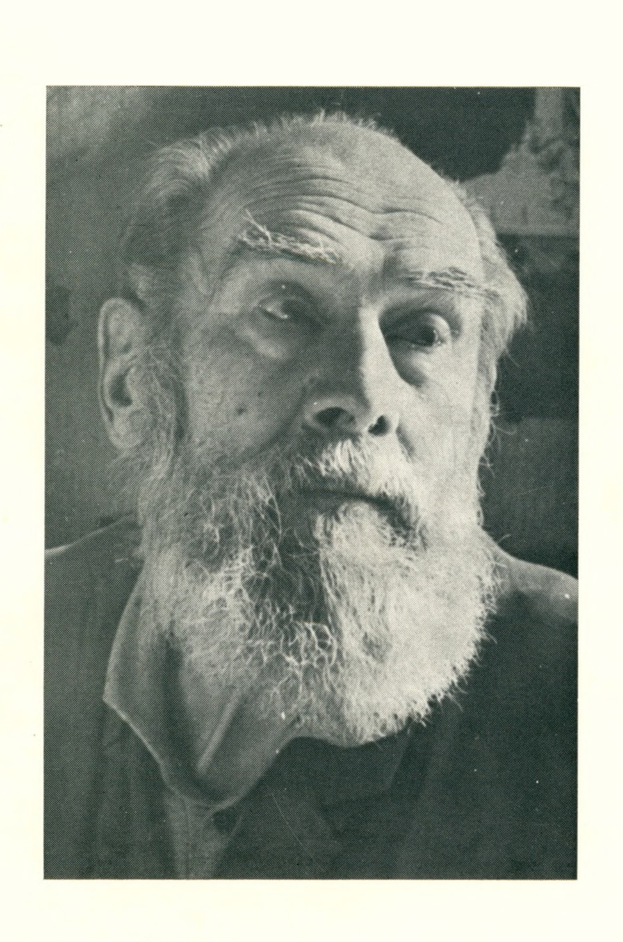
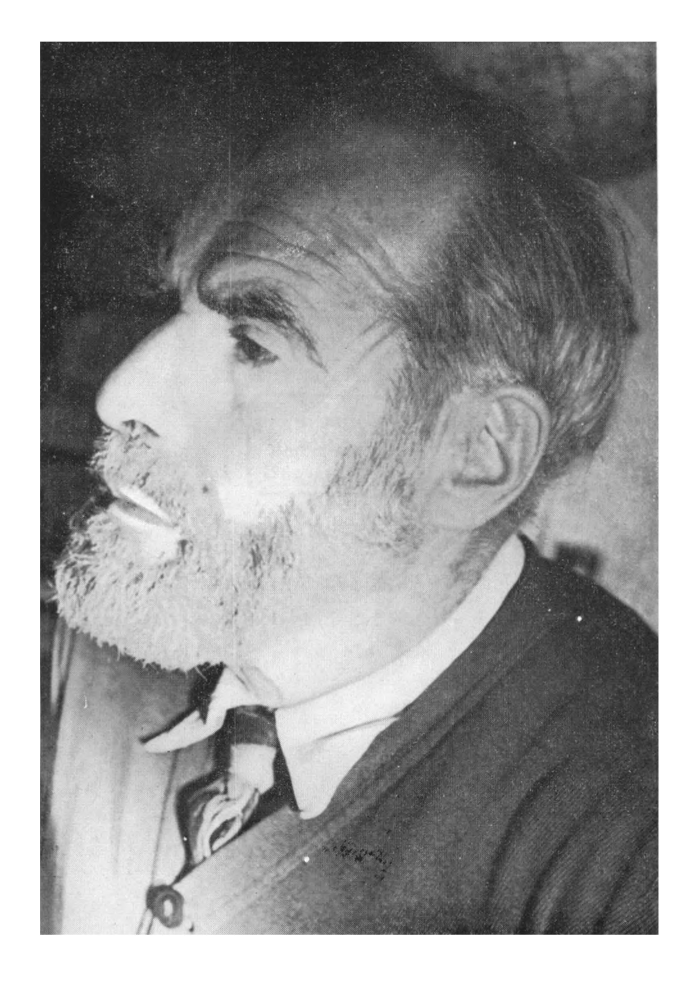
Ив. Новгород-Северский

СЕВЕРНОЕ ПОСЛАНИЕ

ИВ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

СЕВЕРНОЕ ПОСЛАНИЕ

ПАРИЖ
1968

Посвящается жене моей
Ю. А. КУТЫРИНОЙ

Издание Русского Научного Института.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

ПЕВЕЦ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

ИВ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

Что такое искусство? Создание *нового,* обогащающего душу, дающего *радость* художнику и нам, воспринимающим его творения. Радость родится в душе переполненной: душа пустая радости не родит. Радость творчества — вдохновение. Это Пушкин определяет так:

...Постойте! Наперед узнайте, чем душа
У вас наполнена, — прямым ли вдохновеньем,
Иль необузданным одним поползновеньем...

Творческая сила — чудесна: она показывает *новое,* найденное художником, до творческого акта как бы не бывшее... *новое,* таинственно преломленное его душой, *живое.* Редкую красоту и в красоте — Творца.

Блестит снегов наряд порфирный,
Он весь в алмазах, жемчугах, —
Как будто Дух благой, надмирный,
Мне небо разостлал в ногах.

Нет слова — «Россия». Но ее чувствуешь в безмерности снеговой пустыни: это от нее веет крепким морозным воздухом, простором, осыпает снеговой пылью в бешеном беге-лете... пусть не коней — оленей:

От собашных самоедов
Еду к югу, к оленным,
Тороплюсь по волчью следу
На тепло, на дальний дым.
Любо нартам расписным
В снежном бисере купаться,
Как лебедке отряхаться,
Видеть месяц молодым.
Красоваться перед ним
Блеском снежным, нежным пухом,

Нашей волей, нашим духом,
Тем, что птицею летим.

Читая чувствуешь себя в полете: это полет души поэта передался нам, и мы мчимся, в очаровании. Вот она власть таланта.

В стихах Новгород-Северского не только пейзаж, картинки жизни тунгусов: в них и духовная углубленность, чувство благоговения, общения с Высшим.

Сполох горит негреющим огнем.
Но в сердце теплота, душа согрета чем-то.
Я в тундре не один:
Великий Властелин
Зажег огни
И светит мне зачем-то!..
Да как сказать ... зачем?
Мне нужен этот свет,
Как птице, зверю, самоеду ...
Сполох горит уж много-много лет ...
Ведь не один я тундрой еду ...

Или, еще:

Найди-ка след прошедших кораблей
В бродячих льдинах бухты очертанья ...
В угасшем небе только Водолей
Плеснул ковшом над кораблем скитанья ...
Его струя мне душу леденит:
Ужели хлад и в небе бесконечном ...
Но нет ... звезда, блеснув, как полымя горит
И сердцу говорит об огненном и вечном.

Эта углубленность, насыщенность — «от духа» — ценнейшее свойство поэзии вообще; оно воспитывает душу читателя. И этого ценнейшего много в стихах Новгород-Северского. Он — от лучших истоков русской поэзии: идет от Пушкина, от Тютчева ... У него есть и светлая простота, и чувствование человеческого примитива. Смотрите, как передает он религиозную простоту дикаря, и сколько в этом прелести! Вот тунгусская песенка:

Голубые божки

Божки нанизаны на голубую нитку,
А это значит — на небе живут,
И ходят в небе голубой тропинкой.

Божки нанизаны на голубую нитку.
А это значит, что они пасут
Оленей в небе с голубою спинкой.
Божков возьми за голубую нитку,
Повесь на шею — будешь голубым...
И легким-легким... словно дым!

У Новгород-Северского не только богатая палитра для изображения *внешнего*, — торосов, ледников, айсбергов, сполохов, творящих розы в льдах. У него богатство внутреннего содержания. Например, стихотворение «Мысль».

...Олени вихрем мчатся,
В их лете мысль свою постиг...
Ну где постичь, куда за ней угнаться!

И редкая душевность, детскость — подлинного поэта свойства:

У камелька сидит старушка с детворой,
И льются ручейком седые сказки.
Блеснет снежок и захрустит порой,
Но дети глянут бойко, без опаски.
Они привыкли. Знают каждый звук,
А волк не смеет к чуму приближаться
И путать сказки, портить их досуг
Да с ними, малыми, из-за добра кусаться.

Поэзия Новгород-Северского — светлая, бодрая. Она — в здоровом русле русской поэзии, — пушкинское приятие жизни. Вот, «Олень смарагдовый»:

Олень смарагдовый приснился:
Был золотым он в блеске дня,
Поляной снег под ним искрился,
С цветами полными огня.
Олень на молнию похожий,
Чуть-чуть касавшийся земли.
И стук копыт, с громами схожий,
И глас я слышал: — «Мне внемли:
Вот так, как я, встряхнись грозово,
Над тудрой звонкой пднимись,
И к звездам жарким с песней новой
Оленем солнечным взметнись».

— Подлинное творчество большого таланта-дара.

ИВ. ШМЕЛЕВ

ПЕВЕЦ ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНИ

Так И. С. Шмелев еще лет пятнадцать назад назвал И. И. Новгород-Северского, оригинальной поэзии которого он всегда воздавал должное. Действительно, одной из счастливых особенностей этого даровитого поэта является постоянное умение звуками своей лиры одухотворить и согреть величаво-недвижную холодную природу. В студеном воздухе безучастной пустыни, на жутком безбрежном просторе северных степей его неизменно посещает творческое вдохновение. Его верная и чуткая муза не требует непременно яркого солнечного сияния, знойной и уютной неги и роскошной ароматной флоры.

Ив. Новгород-Северский на лоне суровой и почти безлюдной природы сложил много задушевных художественных песен, хрустально-прозрачных в их благородной простоте. Его проникновенная философская наблюдательность дает ему возможность заметить, запомнить и запечатлеть то, что проходит бесследно пред взором людей равнодушных. И резвые, грациозные олени, и мило-неуклюжие увальни-медведи служат предметом ласкового внимания у этого поэта. Мы верим ему, когда он нам говорит:

В широкой тундре есть какой-то хмель,
Пьянящий, бодрый, дерзко веселящий.
И в буре грозной слышится свирель
Пастушки белой, по снегам кружащей.

Справедливо заметил И. Шмелев, что в безмерности снеговой пустыни у Ив. Новговород-Северского чувствуется великая Россия с ее крепким и живительным морозным воздухом, осыпанным снеговою пылью. Через звериные тропы и журавлиные перелеты поэт уводит нас к священным вершинам, где словно горы, теснясь, устремляются ввысь, и человек вместе с ними увлекается взлетом в небеса, к самому солнцу:

Кручи над кручами в смелом стремлении
Выше и выше до снежных вершин
Тянутся к небу их мощные звенья,
Прах попирая бескрылых долин.

Для нашего певца тайга всегда певуча и говорлива, в ней неустанна игра голосов — то раскатится громом, по тучам в синеве предвечерних часов, то по зорьке раскатится трелью — перекличкой чижей и щегла, то пастушеской нежной свирелью задрожит предрассветная мгла. Самые трогательные fioretti святого мудреца Франциска Ассизского, умевшего одарять своею христианскою пламенной любовью и самых прозаических бессловесных тварей, вспоминаются нам тогда, когда мы слышим стихи Ив. Новгород-Северского, посвященные медведице, залегшей в берлогу «зимовать и снить медвежьи сны», как-нибудь догрезить до весны, а весной лелеять медвежаток, по траве муравчатой бродить, с вольных пчелок — ласковый задаток — дикий мед по дуплам находить.

Умение чародейным словом оживить угрюмую и замкнутую в себе природу есть первая художественная заслуга нашего поэта, всегда вознаграждаемая ее ласковой ответной улыбкой. Однако, он далеко не только «певец ледяной пустыни». Его трепетно-отзывчивая лира, как былая Эолова арфа, чутко откликается и на совершенно иные картины мироздания и произносит над ними свой ясный и смелый, поэтический приговор.

Его «муза высочайших настроений» возносит нас и в лунный мир звездных сказок и цветов:

В лунных долинах есть чудо-поляны
Лунных утесов волшебная тень,
Кружатся феи толпой осиянной.
Лунный их нежит сиреневый день.

Звездные поэмы в творчестве Ив. Новгород-Северского являются мостом надежным к миру надзвездному, к чертогу сверх-временной радости! Вдохновенный певец твердо верует, что, если «в стремнину вечности низринутся века, и прах планет развеется над бездной, то голубой дорогою надзвездной нас оградит незримая Рука, и выше вечности к Предвечному стремясь, с восторгом вознесясь к всесветной колыбели, где новые миры лишь только что зардели, мы узрим там стихов иную вязь» . . .

Древнегреческий философ Платон, великий предшественник христианства, учил убежденно, что наш грешный дольний мир отражает в своем мраке небес-

ные лучи, преломляет и искажает их, но в дробном потоке мимолетных явлений незыблемо пребывают нетленные их прообразы — идеи. Такое жизнепонимание глубоко родственно нашему поэту. Оттого-то он так терпеливо и так сострадательно вглядывается порою в самые невзрачные и плоские явления земные. Оттого-то он так любит детей даже в их наивном эгоизме, в их шаловливости беззаботной, в их плутоватости корыстной. Об этой славной детворе увлекательно-музыкально рассказал он в своих сборниках: «Ребячьи дразнилки», «Веселые докучки», «Песенки веселушки», «Заячья капустка» . . .

Как истинный поэт Ив. Новгород-Северский верен пушкинскому завету о призыве милости к падшим и потому не хочет омрачать повторным запоздалым укором развенчанные тени тех властителей, которым не посчастливилось быть выразителями добра на земле. Так, у гробницы Тамерлана «вычурной и узкой» — в Мекке русской Самарканде, где грозный хан лежит теперь одинок и сир «веков ушедших небылицей», поэт не говорит черствого злопамятного слова и не хочет оскорблять «священную тюрьму» многогрешного полководца.

Перед духовным взором Ив. Новгород-Северского и тогда, когда он поневоле созерцает уродливые и преступные явления дольнего мира, неизменно противостоит мир божественный горний с его немеркнущим целительным светом. Он непоколебимо верит, что, если Апокалипсис времен в мировом круговороте свой страшный развивает свиток, то мы стоим на повороте, и лучших зорь придет черед, и, что не напрасно, омофором нетленным покрыта, грезит Русь о жизни новой после просветления и покаяния.

Во всем богатом поэтическом творчестве Ив. Новгород-Северского нигде нет бездушной красивой риторики, нигде нет фальшивой слащавой чувствительности. Он целомудренно скуп на слова, которые идут у него всегда от чистого сердца. Философская вдумчивость его стихов неизменно сочетается с достойной музыкальностью формы.

Проф. Валентин Сперанский.

Lionello Fiumi — маститый поэт Италии, посвятил Ив. Новгород-Северскому ряд прекрасных статей и переводов его стихов в итальянской прессе, с заглавием : Un grande poeta siberiano — il cantore delle leggende polari.

Франко-бельгийский журнал поэтов — Le Journal des Poetes, отметил Певца Севера, как большого поэта-мистика полярных стран!

В Германии проф. Эрхардт (Berlin Schöneberg Hochschule) посвятил поэзии И. Новгород-Северского ряд лекций на курсе русской литературы.

Русско-американская пресса в Нью-Йорке и Сан-Франциско посвятила ряд статей творчеству Ив. Новгород-Северского, председателя Пушкинского Общества Б. Бразоля и Г. В. Месняева.

Редактор газеты «Русская Жизнь» в Калифорнии, А. А. Делианич, отметила пятидесятилетие литературной деятельности Ив. Новгород-Северского.

В Аргентине, в газете «Русское Слово» помещены статьи Ел. Латышевой из Сант-Яго (Чили).

Из статьи П. В. Месняева:

> Стихи очень своеобразны . . . в них нет элемента упадочности, отрицания светлого и чистого в мире, безысходности и отчаяния.
>
> Поэзия Ив. Новгород-Северского легка, воздушна и светла, ибо зерно ее в глубокой вере и благодарности Творцу, за все прекрасное, данное человеку. Стихи поэта — хвала Богу.

В письмах профессоров: Н. Арсеньева, В. Зеньковского, Д. Рябушинского; писателей Алданова и Гребенщикова отмечены талант и глубина творчества автора.

Я. Н. Горбов и Ю. К. Терапиано отозвались хвалебно об особенностях таланта Ив. Новгород-Северского.

Проф. М. Л. Гофман:

Ив. Новгород-Северский, поэт совершенно особенный, никому не подражает — и Пушкину, но выходит на теже самые вершины высокой святой поэзии.

Проф. И. В. Пузына, бывший директор Русского Научного Института в Париже и основатель издательства, очень ценил и любил творчество Ив. Новгород-Северского.

Северное послание

СЕВЕРНОЕ ПОСЛАНИЕ

Как скальды северных лесов
Я воспеваю тундру, горы
И вод арктических просторы
Ища в них отзвук голосов.

Восторг сих песен вам не нов —
Поют и пели здесь шаманы
И серебристые туманы
Тревожа сон минувших лет
Из тундры шлют вам свой привет!

Я В БЕЛОМ САМУМЕ

Я в белом саму́ме метели кружащей
Я в снежном споло́хе, бурлящем котле.
Дорогой взметённой металлом звенящей
Закружен, завьюжен в пылающей мгле.

Мне трудно пробиться до ближнего стана.
Собаки устали, от стужи дрожат.
И призраки грозно встают из тумана —
То скалы седые моря сторожат.

И словно старухи согнулись над бездной,
Как будто заждались, кого-то им жаль . . .
С настойчивой думой и волей железной
Я рвусь неустанно в тревожную даль.

Я ЗАЧАРОВАН

Я зачарован в сказочных палатах,
В гирляндах арок зданий ледяных.
Как Дон-Кихот иду в потешных латах
Для грёз моих нет мест теперь иных.

Обманчив мир. Я только в тундру верю,
В ее святой нетронутый покой.
Здесь можно к людям, можно даже к
зверю
Тянуться теплой братскою рукой.

Здесь сладок дым и запах человечий
И каждый чум как будто отчий дом,
А в перекличке множества наречий
Нет страшных слов: — «Давай с тобой,
убьём!»

НАД НОВОЙ ЗЕМЛЁЙ

Над Новой Землёю столпились громады —
Ушедший за море суровый Урал.
И в дали безбрежной встречаю преграды: —
Взметнулися в небо опасные гряды
А в бездне кипящей бушующий вал.

Сражаюсь с природою в небе высоком
И час неизвестный тревожный настал:
Воспряну победно иль в море глубоком
Безгранно-широком, холодно-жестоком,
В полёте отважном и гибель сыскал.

Но верится как-то, что скроются бури,
Сторонкою хмурясь уйдут в океан.
И в трепете светлом весенней лазури
Где кем-то заботливо выложен гу́рий *
Я птицей спущуся в приветливый стан.

ИДУТ ВЕКА

Идут века спокойно, величаво . . .
Я жду для нас космической весны!
Поднимутся леса, цветы и травы
Навеяв нам тропические сны.

Но и теперь отрадны в тундре грёзы
Ласкает взор ее нарядный вид —
Коврами стелятся полярные берёзы,
Речной тальник как золото блестит.

А стаи птиц с веселой суетою,
Крикливый их, заоблачный Содо́м.
Простор полей под шелковой фато́ю —
Волшебный мир в тумане голубом!

КАКОЙ ПАСТУХ?

Какой пастух пасёт во мгле
Свирелью стадо собирает
И посылая свет земле
В кочевьях горних почивает?

---

* Гурий — куча камней или других предметов сложенных в виде маячка, для ориентации.

Небесных много олену́х,
Несметных звезд слежу движенье.
Горят они как их пастух
В извечном неземном круженьи.

Нас в чу́ме нежит камелек,
Как отблеск звездный — пепел серый.
Отрадный час. Прошел денек
С какой-то тихой теплой верой.

РАЗДУМЬЯ ЧАС

Благословенный тихий час,
Вечерних дум полёт незримый;
Мой камелёк совсем угас
Рукой беспечной не хранимый.

И лень притронуться к нему
Поправить уголь, бросить ветку . . .
Вечерний час виной всему,
Раздумья час довольно редкий.

СЕВЕРНЫЙ БОРЕЙ

Борея с мерзлой бородою
Не Ломоносов ли воспел?
Ночная тундра предо мною —
Мечтаний дерзостных предел.

Пойди поспорь с Боре́ем этим
На Ледовитый океан!
Как Ломоносов бросишь сети
В промо́зглый иней и туман.

И будешь рад обозу с рыбой,
Зырянской сказке и весне,
Чтоб не остаться мертвой глыбой
В полярной стуже в зимнем сне.

Но все ж приветствую Борéя: —
Властитель Северных морей
Ты в мрачном царстве Берендéя
Всегда живой . . . и всех бодрей!

БУДЬ ГОТОВ!

Безгранно царство пламенных снегов
Куда-то вдаль уходят льдов орбиты
И стад оленьих искрятся копыта
Они звенят — «На подвиг будь готов!» —

Как сон исчез ветвистый лес рогов
И вот в мехах — какие-то фигуры:
Шамáны пляшут, тундры трубадуры,
Они поют: — «На подвиг будь готов!» —

Орбиты льдов не знают берегов,
Кружатся льды, огромные — как луны;
В них трубный зов, грохочут чьи-то струны
Они гремят: — «На подвиг будь готов!»

ПАХНЕТ СНЕГОМ

Пахнет снегом. Бодрый этот запах,
Молодеешь запахом снегов!
У зимы я не в медвежьих лапах
На просторе белых берегов.

Лукомо́рьем, северным поморьем,
У студеных ледовитых вод,
Я скитаюсь с ветром своевольным
Он за мной метелицу метет.

Заметен, заве́ян, залелеян: —
Стал какой-то снежный, ветрово́й . . .
По всему по свету я развеян
С ветром буйным в пляске круговой.

ЛУННЫЕ ЗОРИ

Лунные зори бывают,
Все в бирюзовых огнях: —
Будто сирень расцветает
Где-то в надзвездных краях.

Видел я радугу ночью,
Лунная тоже была.
Светлая вестница Отчья,
Отблеск Господня крыла.

Солнце как тень проходило
В лунный, над тундрою час . . .
Вот она Божия сила,
Тайна святая для нас!

В СНЕЖНОЙ ДАЛИ

Замости́л мороз мостами
Мой зеленый бережок
И метелица хвостами
Наметает мне снежок.

Я и сам зимою снежный,
Раскудрявый, ветровой.
Как метелица мятежный
Как мороз я — огневой!

На просторе что за горе
Если молодость со мной;
Хорошо на вольной воле,
Я с метелицей поспорю
В снежной дали голубой!..

В СНЕГАХ

Снега лежат тепло, широко —
Коврами стелят светлый путь;
По ним за тундру, вверх, далёко
Гигантом хочется шагнуть.

Огромной птицей ввысь подняться
В простор небесный голубой —
Туда где тучи лишь огнятся
И видеть тундру под собой.

Горит она звездой лучистой,
Сияет гордо в небесах,
А свет ее алмазный чистый —
Снегов немеркнущих краса!

КОЧУЮ С ПЕСНЕЙ

К чему мне компас, маршрут и кáрты —
Меня на север влечет мечта!
Летят олени, крылаты нáрты
Они как грёза, в них красота...

Кочую с песней в снегах бескрайных,
В ночах укрывших волшебный мир.
Чартог чудесный из дум случайных
Воздвиг я в тундре. И в нём — не сир!

Шаманы пляшут под звонкий бубен
Над теплым пухом гагарьих гнезд...
К заветной цели мой путь не труден
Согретый лаской полярных звезд.

РОЖДЕСТВО ТВОЁ

Этот снег нездешний горний,
Эти звезды в небесах
Говорят душе сегодня
О великих чудесах: —

О Рожденьи в яслях Бога,
Вифлеéмских пастухах...
Осия́нная дорога
Ввысь уносит. На волнах

Звонкой россыпью взлетаю —
Вот Распятый на Кресте!
В песнопеньях снежных таю: —
«Рождество Твоё, Христе!..»

ДОРОГОЙ НЕЗЕМНОЙ

Пловучий лёд, что колокол призывный
Звенит в душе, металлом напоен.
И свет его дрожщий, переливный,
Как отблеск свеч горит со всех сторон.

Я в храме Арктики, во льдах кружащем —
Морской прибой поёт святой псало́м.
В тумане легком, радужном, кадя́щем,
Пылает меч с архангельским крылом.

Плывет ковчег, очерченный огнями
Лазурью плещет в небе надо мной . . .
Но кто на нем, согбённый, древний днями,
Кто правит руль дорогой неземной!

БЕЗ СОЛНЦА

Не грёза ли цветок?
И мотылёк —
Не солнца ли прощальная улыбка?
А в море синем — золотая рыбка
Не солнца ли опавший лепесток?

И что на солнце?
Есть ли огонёк?
Не льды ль горят,
Как в тундре самоцветной,
Не в тьме ль оно
Тяжелой беспросветной,
Как этот хладный ту́ндренный денёк?

Но ничего . . . Зажжётся камелёк: —
К его теплу мечтательно подсяду,
А что спою я солнышку в награду?
Мой камелёк . . .
Не солнца ли волшебный уголёк?

СОЛНЦЕ В ТУНДРЕ

Кто сказал, что солнце — пламень?
Солнце — холод! солнце — лёд.
Выйду, брошу лунный камень.
Камень солнце разобьёт.

Полетят тогда осколки,
В небе грянет вешний гром.
И морозный воздух ко́лкий
Вспыхнет радугой — огнём . . .

Брошу бубен в лунный камень
И посыпятся цветы . . .
Солнце — лёд, но я-то — пламень
Молний блеск мои мечты!

ВОТЯЦКАЯ БОЖНИЧКА

Смотри, вотяцкая божничка: —
Как мышка маленький божок!
А вот другой, как будто птичка.
А вот грибок, а вот цветок —
Здесь целый маленький мирок!

Не будь в своих сужденьях строг!
Мы ищем Бога в нашем сердце
И за какой-то там чертой . . .
Но есть меж нами иноверцы
Их Бог иной, их Бог земной . . .
И Бог, дивясь их простоте,
Живет и в чу́рке, как в кресте!

УЛЬХУТ *

На берегу Горячей речки
Зимой в Чукóтке, как на печке.
И речку ту у нас зовут —
Ульхут.

Искать ее не легкий труд
По-за тайгою, за горами
Она за тундрой, за снегами
Где чýкчи вольные живут.

Там в январе не гибнут травы
Глядит ромашка из отáвы,
Фиалки нежные цветут.

Стада пасутся, волки рыщут,
Дрозды поют, синички свищут . . .
Горит как будто изумруд —
Ульхут.

БОЖКИ НАХСАМАРЯХ **

Надор Нахсамаря́х, — живущий по Нады́му,
Кто знает твой язык, таинственный твой быт?
Твоих богов какому пилигриму
Увидеть довелось, и где твой храм стоит?

Попрятались божки, не любящие лести,
В сугробах затаясь. У каждого свой чум.
Но собираются порою вместе,
Чтоб тихо посидеть без лишних слов и дум.

---

* Ульхут по-ороченески — Горячая речка. Название получила от горячих ключей, впадающих в нее.

** Надым — река впадающая в Обскую Губу в Ненецком национальном округе.

Почешутся слегка. Обсудят жизнь номадов: —
Кто заболел в снегах, пропал, чей пал олень,
Кто заслужил укор, а кто награду! . .
До новых встреч в пургу, их скроет ночи тень!

ЗИМНИЕ СТИХИ

Стихами зимними в метели утешаюсь.
Снежинки белые как будто мотыльки.
Пускай летят. Их трогать не решаюсь:
Весной растают — будут ручейки.
И я тогда зеленою дорожкой
И завершу волшебный этот путь,
Пусть серебря́т и пухом стелят стёжку —
Я доберусь до стана понемножку . . .
И с песней бодрой, снова . . . в путь!

ДЕРЕВЬЯ В ДИВНОМ СКАЗОЧНОМ УБОРЕ

Деревья в дивном сказочном уборе,
Невесты белые стоят большой толпой.
За речкой волчий вой . . .
Сегодня все в каком-то заговоре!

Чу! Дятел носом: тук да тук!
Упала ветка снежная большая
Летит ворон пугливых стая . . .
Еще какой-то новый звук!

Сочельник нынче . . . Малый паренёк
Наметил ёлку. Рубит с перерывом . . .
Он повезет ее на горбунке игривом!

ПО КЛЮКВУ!

А ну,
Не спать на стану́!
По свежей пороше
Завьёмся горошком...
Ау!

По клюкву,
По ягоду клюкву,
Подснежну,
Крупну!

Студёну, ядрёну!
Эх-ма, кума!
Я из города Му́рома
Барина бу́рого.

Я из города Ро́стова
Барина толстова.
Я из города Можа́я,
Рад урожаю!
Эй, живей, не робей!
По клюкву хорошу!

САМУМЫ ТУНДРЫ

Почему тревожны думы...
И покоя не найти?
В тундре есть свои саму́мы,
Также страшные в пути.
Беспокоюсь не напрасно,
Нет навстречу огоньков
Далеко до лета красна,
До полянок, до цветов.

Стужа зимняя — не шубка,
Нет дороги, нет пути.
Жить — прожить большая шутка . . .
Где пристанище найти?

ОТЧИЗНА ХМУРЫХ РЫБАРЕЙ

Просторы северных морей
И грозный рокот океана.
Отчизна хмурых рыбаре́й
Встает, как призрак из тумана
Там Русь жива! Поёт гусляр,
И князь Владимир пир пирует.
Живой, веселой речи жар
По тундре с гуслями кочует.
Старинных песен сладок плен,
И сказки древней и былины . . .
А я — невольник среди стен,
Свободой грежу на чужбине . . .
И как позор мои седины!

ВЕТХИЙ СПАС

Далекий Север в сполоха́х
Полнеба, золоти́т пожаром.
В таёжных стареньких церква́х
Горят хоругви Божьим даром.

Их потемневшая парча,
Вся в ды́рьях от мечей татарских,

Здесь грозно билась епанчá
С кольчугой Ермаковой царской.

Стрелой пронзённый Ветхий Спас,
Времён Кучýмова разгрома,
Хранит незлобных, мúрных нас,
Печатью запечатав громы.

ЗВЕЗДНЫЙ БЕГ

Небосклон не объять голубой,
Не дойти до его берегов!..
Где архангельской грозной трубой
Воет волк за буграми снегов.

В волчьем вое — призыв на борьбу
Оленёнок прижался, притих...
Слышно в море студёном пальбу:
Бой эскадр, под луной ледяных.

Вижу в звездных огнях вековых
Неизменный стремительный бег...
Слава мертвым... Для нас, для живых —
Звездный свет, устремленный на снег!!

***

Я буду снова гостем заполярья
Со мной не нáрты: — звонкий авион!
Мне на краю родного полушарья
Он будет петь отрадный звон.

Воздушный странник тундры голубой
Над ней взлетевший с новым любованьем
Цветы живые взял в полет с собой —
Земли улыбку, робкое лобзанье.
Они напомнят льдин веселый гул,
Сполохи огоньков в далеких чумах,
Людей проснувшихся, широкий их разгул,
Страну мою . . . В больших и светлых
думах!

1968.

Вершины

— «Горные вершины
спят во тьме ночной . . . —»

Из Гете — «Ночная песнь
странника».

„Wandrers Nachtlied",
(Über allen Gipfeln . . .)

ВЕРШИНЫ

— «. . . Живу я
в земном пребывая . . .
Но видел Христовы стопы, —
следы Его к высям Алтая.

Всё ближе к солнцу, звездам, тучам . . .
А ближе ль к Богу? Как сказать?
Но мне легко скользить по кручам,
Орлом заоблачным витать

Я муравейник вижу людный
Далеких сел и городов,
И мне с вершин кидать не трудно
Цепь отзвеневшую годов.

Не тяготит надмирность эта —
Ведь я не демон, я не злой . . .
Лишь думой светлою поэта
И только в грёзах над землей.

ЛЕСЕНКА

Ёлочки дружной ватáгой растут
Ветку за веткой весной выпускают.
Весело лапкой мохнатой гребут,
В небе зеленой головкой кивают.

Лесенкой лезут по скалам к лучу
Выше и выше — до самой вершины.
Вот, разбегусь и по ним полечу
Мимо чарующей горной стремнины

Звонким смолистым зеленым ковром
Я проберуся к барашкам небесным,
К тучам, где шествует с грохотом гром...
К солнышку ясному, к звездам чудесным!

ЧЕМГУЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы...
А. С. Пушкин. 1829 г.

С каждым утесом сроднился
В каждом ущелье мой дом.
Я ль не чемгулом родился —
Горным алтайским орлом.

Помнится малым ребенком
Взором орлиным глядел
В глётчере чистом и звонком
Бурным ключем закипел.

Мне ль по земле волочиться
Смелым и вольным крылом,
К солнцу не сметь воротиться
В небе парить голубом?

АЛТАЙ

Вершины светлые как звезды
И к небу руд подземных ток,
Орлов заоблачные гнезда,
В оскáле бездн — живой цветок!

Пойду в тайгу послушать гусли,
Скитов раскольничий завет.
И здесь Христос . . . Китай ли, Русь ли?
Ты — край родной, тебе — привет!

СТЕНОЮ ГОРЫ

Ю. А. Кутыриной

Стеною горы — до небес
И в звезды упирался лес.
Сиял в ущельи месяц молодой
Бредя оленем над водой —
Как будто крадучись в ночи;
Рог золотой поил ручьи . . .

В горах и я, как лунный луч,
Смотрел на землю
Из-за туч . . .
К тебе взывал, тебя искал,
Но эхом отвечал . . . обвал.

О Б Ь*

(Алтайская легенда)

Бúя жил — Господин
И Катунь — Госпожа.

Бúем звался наездник один —
Не боялся ни стрел, ни ножа.
Нелюдим, как буддúйский монах,
Ни любви он, ни ласки не знал...
Вдруг, однажды, в далеких горах,
Он Катунь, Госпожу повстречал.
На заре полюбились они.
С Бúем нежно Катунь обнялась...
А когда загорелись огни: —
Обь-река, на красу, родилась!

ЛИСТОПАД

Не осенний мелкий
дождичек...

По распадам, водопадам,
На изломе грозных круч,
Над осенним листопадом
Путь мой — ввысь, до самых туч.

Золот лист. Не нужен молот —
Тонок, звонок и певуч;
Он рассыпан, он расколот
И блестит, как солнца луч.

---

* От слияния рек Бии и Катуни образуется Обь.

Осень плачет по долинам,
А в горах ясна лазурь;
В гордом клёкоте орлином
Нет предвестья близких бурь.

КАРАБУР

(Шаман-гора)

На крыльях вьючная тропа
Уносит в бездны голубые.
Высоких гор стоит толпа —
Богатырей орды Батыя.

А вот и сам великий хан —
Алтай, суровый и могучий.
Неугомонный дикий стан
Нас поло́нил тайгой певучей.

И Карабу́р, шаман-гора,
Ударил в бубен к нашей встрече:
«Долой с коней! Уже пора,
Аи́л и ужин недалече!»

НЕ ВЕШНИЙ ГРОМ

Сей день, —
его же сотвори Господь!
(Из песнопений пасхальной
заутрени).

Не вешний гром — гремит обвал,
Твердыни тяжко сотрясая,
Что Божий гнев, гранитный вал —
Кипит над бездной нависая.

А там долина и айл,
И телеу́т беспечный бродит,
Среди развалин и могил,
Как се́рна жизнь свою проводит.

Но вот настал грозовый час . . .
Погибнет он в гранитной буре?
Тяжелый вал затих, угас —
Лишь тучки нежатся в лазури.

А телеу́т в шатрах запел,
Готовя ужин над кострами: —
«Таёжный бог сей день гремел,
Мне добывая огнь и пламень!»

НАД ОБРЫВОМ

. . . — Туда б, в заоблачную келью,
В соседстве Бога скрыться мне! . .
А. С. Пушкин. 1820 г.

Что так тянет, порою, к обрыву,
Будто радостно в пропасть смотреть?
Здесь предел и мечте, и порыву . . .

Вот бы птицей над нею взлететь!

Ну, хотя бы, как плющ расстелиться
От утеса к утесу, во мгле,
И цвести, разрастаясь, и виться,
Отбивая поклоны земле.

Жить виденьями в темных ущельях,
Там, где скит, что свеча, на горе,
И смотреть, как в заоблачных кельях
Угасают огни на заре.

БЕЗЫМЯННЫЙ УТЕС

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит. Задумался глубоко.
(М. Лермонтов, из стихотворения «Утес»).

Стоит утесом величавым
Какой-то витязь прежних лет,
Проживши жизнь свою со славой,
Бойца исполнивши обет.

Настанет день и он проснется,
Стряхнув тайгу с могучих плеч
И озираясь улыбнется,
И двинет в путь для новых встреч.

Пойдет, громады сокрушая
Свой меч заржавленный схватив . . .
Веков сказанья сокрушая,
Их вновь в сказанья обратив!

ХАН ТЕНГРИ

. . . Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку . . .
А. С. Пушкин. 1829 г.

Я у подножья Те́нгра-Хана . . .
Неутомимый вечный страж
Взирает грозно из тумана
Как янычар, как делиба́ш.

С могучим воинством Тянь-Шаня, —
Не счесть его богатырей,
Как волн в Индийском океане, —
Он затаился у дверей.

Руси великой и могучей
В стальной броне . . . А лесом пик
Он не пропустит даже тучи —
Отчизне преданный старик.

ВОЛШЕБНЫЙ КРУГ

Отраден путнику привал
В тайге певучей, многоликой.
За дымкой — царственный Урал,
В красе своей, угрюмой, дикой.

Уходит солнце с горных круч,
Щетиной сизой закрываясь;
В просвет листвы последний луч
Мелькнул, как будто бы прощаясь.

И влажный сумрак из тайги
Крадется пологом широким.
Костер дорожный береги,
Чтоб не остаться одиноким.

Тебя не тронет дикий зверь
И тьма нависнуть побоится . . .
Волшебный круг! ты мне поверь —
Он до рассвета сохранится!

НЕ ЗА ГОРАМИ ЛЬ?

Хвала вам, горы Становые!
Вы, как бойцы: за станом стан...

Прилег с какой-то светлой думой,
Забылся тихо у огня,
Во тьме тайги, ночной, угрюмой,
Похоронив заботы дня.

А завтра мо́лодцем поднявшись,
Стряхнувши сон, как вешний снег,
С ветрами вольными обнявшись,
Начну за счастьем новый бег.

Не за горами ль Становы́ми
Найду я Берег Золотой,
С рудой, товарами пушными —
Моей несбыточной мечтой...

ТВЕРДЫНИ

И вы, могучие твердыни,
Рассыпитесь, быть может, в прах!
Куда толпитесь вы в гордыне
Стремленьем навевая страх?

Уже над пропастью повисли
Утесы, ваши сторожа.
Смотрите: вашей смелой мысли
Судьбой указана межа.

Но ничего... Есть в крыльях счастье,
И даже в каменных, подчас —
Дерзайте! Ждите... В Божьей власти
Вознесть вас к звездам в некий час!

С ВЕРШИНЫ К ВЕРШИНАМ

С вершины к вершинам, в ущельях и кру́чах
Брожу, восторгаясь крылатой судьбой.
Тропой пробираюсь, затерянный в тучах.
И солнце, и звезды влеку за собой.

Я с ними спускаюсь в леса и долины,
По селам, кочевьям лечу ветерком;
Целую серёжки весенней осины —
Порхаю тайком голубым мотыльком . . .

В алмазных пещерах приют мой воздушный,
Где скалы поют, позабыв о земном.
Я вольный скиталец, лишь небу
послушный . . .
И светел мой вечный, заоблачный дом!

ТАКЖЕ, КАК ВЫ . . .

Кручи над кручами в смелом стремленьи;
Выше и выше, до снежных вершин,
Тянутся к небу их мощные звенья,
Прах попирая бескрылых долин.

Нужно ли слушать паденье обвалов,
В пропасть смотреть и грустить о былом?
Там лишь обломки утесов-кинжалов,
Бездны бессильный коварный излом.

Звездным стремленьем наполните душу,
Ясному солнцу служите в пути.
Так же, как вы, я обет не нарушу —
Светлым и радостным к Богу придти!

ЭХО ОТКЛИКНУЛОСЬ

Эхо откликнулось зорям,
В рог протрубив золотой.
Звуки разлилися морем,
Плещут над чащей густой.
Вороном черным бесследно
Ночь покидает леса.
Солнце поднялось, победно,
В тучах — мечей полоса.
Где-то в далеком ущельи
Гром прогремел и затих . . .
Песня моя не безделье: —
Солнцу мой утренний стих!

В ГОРНЫХ СТРЕМНИНАХ

Тесно ли в горных стремнинах?
Смелым родился орлом —
Буду и в норах звериных
Биться упрямым крылом!

Горы учили стреми́ться:
«Ввысь!» — их мечта и предел.
Горец, как вольная птица —
Вылетел, песню запел.

Эхо стокра́т отозвалось.
Что это? Гром в облаках?
Песня свирелью осталась:
Вот оно счастье, в руках!

Таежные тропы

ТАЁЖНЫЙ ПУТЬ

Путь мой широк, необъятен,
Плещет зеленой волной.
Шорох тайги мне понятен —
Матери голос родной.

Пешим бреду мореходом,
Бро́дни — надёжный челнок.
Я улыбаюсь невзгодам
И не всегда одинок.

Всё здесь исполнено тайной . . .
Чаща укроет крылом,
Если в ночёвке случайной
Нечем зажечь бурелом.

ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ

Тайга родная, храм забытый!
Молюсь деревьям и цветам . . .
Шалаш для всех ветров открытый
Ночным приютом служит нам!

Скорей возьми в свои объяться
В зеленый шелк своих пелён.
Мы — близнецы, лесные братья,
А волос наш — кукушкин лён.

Перекликаясь голосами
Зверей, и птиц, и ручейков,
Мы голубыми стали сами,
Как рой беспечных мотыльков.

КАЖДЫЙ ПАТРОН БЕРЕГИ

Здесь не в скиту, не в огра́де
Вольное царство тайги.
Как на войне, на параде,
Каждый патрон береги.

Верьороче́нским приметам,
Всяким зарубкам лесным . . .
Выстрел да будет ответом
Встрече с хунху́зом шальным.

Жутки таёжные тайны . . .
Здесь не хоронят, а жгут,
Кости в костре не случайно
С тризною путника ждут.

Грозны законы шуха́я —
Дикой амурской тайги . . .
Даже у бо́нз отдыхая,
Каждый патрон береги!

ТУДА, ТУДА . . .

Ловил лоба́стых головле́й
На речке в бирюзовой дали.
Среди тайги, среди степей,
Развея думы и печали.

И ветер, мой крылатый брат,
Мне песни пел о воле дикой.
И красным полымем закат,
Горел над родиной великой.

Туда, туда, в родную даль,
К сибирским селам по оврагам,
Где жгуч декабрь и лют февраль...
Но где шагал я бодрым шагом!

ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ

...угасли глазки
в тяжелой мгле...
Но эти сказки
звучат в тайге!..

Приехал в гости к дяде Феде
Якутской верховой тропой,
Где рыщут волки и медведи
Где лось прошел на водопой.

Якутка встретила ары́кой, —
Бродяги Феди дома нет, —
Ценю в туземке полудикой
Любовь, и ласку, и привет.

Огнем горят косые глазки,
Я знаю — рада пареньку!..
Сейчас пойдут лесные сказки,
Как только сяду к огоньку!

ПУТНИК ТАЁЖНЫЙ

Шествует путник таёжный,
Старый бродяга лесной.
Жизнью томяся острожной
Вышел на волю весной

Мил ему свет золочёный.
Травка кивает ему.
Дали в деревне драчёны,
Хлебом набили суму.

Что еще надо на случай?
Есть и кисет с табаком . . .
Ельник смоляный, пахучий
Будто отеческий дом!

ТАЁЖНАЯ КУМИРНЯ

В лесной кумирне береста — лампада
Колода — жертвенник, а в нем — священный рис.
В углу поник Будда, досчатая громада.
Его глаза в тайгу задумчиво впились.

Облитый постным маслом, мёдом и сметаной,
В еловых свежих шишках, нежных лепестках,
Зеленый бог тайги, встающий с солнцем рано,
Встречавший Ермака в расписанных стружка́х.

Ты что же прошептал проклятье иноверцу,
Какая мысль блестит в прищуренных глазах?
Иль деревянным стало пламенное сердце
И в нем навек застыли ненависть и страх?

ВЕТЕРОК

Огонь звенящий без предела
Сжигай все думы, — чтоб разнес
Потом их пеплом, пылью белой,
Свободный ветер новых грез!..

Неуёмный какой, непосéда
Ты как я, ветерок полевой!
Дунул будто, и нет уже следа —
Из-под ног в облака, над тайгой.

Погуляй, покружи белым светом.
Воротись, если любо, потом —
Не весной так в знойное лето . . .
Видишь, солнце в кольце золотом!

Ветровáя сегодня погода,
Без приметы я ждал ветерка.
Ты подул и пропала невзгода . . .
Пусть для всех будет легкой рука!

ЛУННО

Лýнно. Это значит — грёзы,
В лунной дымке, в лунный час.
Камелёк совсем угас,
Он ненужный. И морозы
Лунной ночью уж не те.
И они, как я в мечте —
Серебрят в тайге берёзы,
Ладят нáртам лунный путь.
В лунных струйках светят льдинки,
Даже белые снежинки
Голубеют, ввысь летят —
Лунной сказкой жить хотят!

ТАЁЖНИК

Я — следопыт и таёжник,
Рыси и волку сродни́.
Ишь, бурело́м да валёжник,
Хмурые ели одни.

Прячут зеленые своды
Неба ночную красу.
Всё ж не лишили свободы,
Вольно живется в лесу.

Звездочка разве не ка́нет
Путь указать и согреть?
Сумрак лесной не потянет
Песню лихую запеть?

МОИ ДАРЫ

Стихи, что пепел . . .

По листьям луч скользит, как паутинка
И манит ввысь, и шепчет поднимись.
Но мне милей пугливая тропинка —
Нырнет в кусты, лишь только оглянись.

А там пойдут таёжных далей чары:
Неведомый жар-цвет в огнях;
Разрыв-трава, леча́ мой недуг старый,
Заставит позабыть о прошлых тяжких днях.

И сказкою лесной покажется шала́шик
Под запах мха, и гари, и мехов,
Где спрялася божок, как маленький монашек.
Ему дары — дымок моих стихов!

В ЛЕШЕГО ВЕРЮ

В лешего верю, русалок,
Бабу-ягу и жар-цвет.
Я в суеверьи не жалок —
Есть в нем и радость, и свет.

С лешим брожу как ребёнок.
Кружит меня, и поёт,
Шепчет «Бодрее, милёнок,
Скоро жар-цвет отцветёт.

Листья осыпятся златом, —
До́рог червонец лесной, —
Станешь веселым, богатым,
Чудо случится весной.

Что тебе надо — найдётся:
Сёдла, ковры, жемчуга
Счастье рекою займётся,
Выйдет — зальет берега.

Баба-яга за избушкой
Выстроит терем большой.
Будешь с русалкой резвушкой
Жить, отдыхая душой.

Были таёжные, сказки
С ней как цветы соберёшь...
Кончатся девичьи ласки —
С песней таёжной умрёшь

Мы тебя здесь и положим,
Славный насыпем курган —
Дёрном зеленым обложим...
В бубен ударит шаман!»

НОЧНОЙ ПРИВАЛ

Шумы лесные . . . Далёче
Будто к вечерне звонят;
Звезд негасимые свечи
В Божьем киóте горят.
Мы в шалаше приютились, —
Что еще ночью бродить, —
В речке студеной омылись,
Время огонь разводить . . .
Вдруг, ниоткуда — попутчик,
Будто пескарик на вид,
Но не уступит и щучке,
Надо — медведя сразит.
Стал у костра за хозяйку,
Прямо творит чудеса:
«Сóльцы к похлёбочке дай-ка! . .
Ты в облаках не плутай-ка,
Брось ворошить небеса.
Звезды бывают хвостаты . . .
Зверь-то рогатый — не зверь . . .
Что нам лешáк волосатый: —
Хуже Анчýтка беспятый . . .
Ты мне, охотнику, верь!
Он, вишь, сродни домоседу:
Им бы с изюмом сухарь,
Праздник какой у суседа.
Нам же в пиру не беседа
Ежли токует глухарь!»
Глянул старик по-лесному —
Глазки, как пчелки в мошкý,

Жало покажут иному,
Мне же медок, как дружку: —
«На-кось, покурим немножко!»
Трубку махоркой набил,
Взял уголёк на ладошку
И не спеша прикурил.
Свиснул кулик на болоте,
Где-то откликнулся гром,
Мышкой летучей в заботе
Кто-то мелькнул над костром.
Ночка темнее и строже,
Ветер к погоде плохой.
Спутник накрылся рогожей,
Будто медвежьей дохой;
Как на печи развалился
В теплой еловой золе;
Только ложась помолился . . .
Звездам, тайге ли во мгле?
Может незримый угодник,
Так же как он — лесовóй,
С ним по трущобам-то бродит,
Водит и нас за собой.
Молнии в зареве ткутся,
Канула звездная тишь . . .
Ты ль Иннокентий Иркутский,
Словом святым оградишь?

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Там, где кончался хмурый лес,
Я встретил взор его упрямый.
Держа ружье наперевес,
Он вылез из какой-то ямы.

Медведем глянул на меня,
Всю ночь как будто караулил.
«Что, мало на тебя зверья?»
Пугливо я забалагурил.

И вспомнился худой рассказ: —
Порой шалят на этом месте,
Что здесь ограбили не раз
Купцов из ближнего предместья.

Но он прошел и лишь сказал.
«Не трону я тебя, Иваныч!
Когда-то я приют искал
И ты пустил бродягу на ночь!»

ПОЭТ-ШАМАН

Поэт-шаман, а не священник,
Молебен служит налегке.
Иной порой пойдет к реке,
А то в пустыню, в можжевельник.

Глядишь залезет, как бездельник,
С горы на горку до небес.
В большой далекий синий лес
В сосняк пахучий, в частый ельник.

Его встречают дружно сла́вки,
Кукушки, сойки, глухари . . .
В густых ветвях, в зеленой травке,
Звенят лесные тропари!

ШАМАНЫ

Спешат шаманы над тайгой
Дневной гоняет в небе тучи
Но над землей бредет другой
В ночи́ дыбит поток могучий.

И оба, злобу утоля,
Всегда уходят без оглядки,
Туда, где Новая Земля.
Играть с шиши́гой старой в прятки!

Но в ходе медленном времён
Бессильны даже и шаманы.
Живет тайга — ее закон
Залечивать по-пёсьи раны!

АМУЛЕТ

Сохрани мой талисман, —
в нем таинственная сила.
А. С. Пушкин. 1827 г.

Амулет мой: — тунгу́сский божок.
Две жемчужины — глазки его.
В них я вижу лесной бережок . . .
И огни очага моего!

Он меня сберегает в пути
И ревниво во всем сторожит.
С ним нетрудно и счастье найти . . .
Он свободой всегда дорожит!

Знаю выйдет в назначенный срок,
К озаренной тайге голубой.
И меня, на живой огонёк
Не забудет позвать за собой!

ТАЁЖНЫЙ КУРГАН

И если курган твой высокий
Сравнялся бы с долом степным,
То слава, влетая далеко
Была бы курганом твоим!

Верный ханский слуга
Под курганом зарыт.
Вековая тайга
Не о нем ли шумит?

Я смотрю на курган . . .
Не мертвец ли встаёт?
Нет, поднялся туман
Да кукушка поёт.

Посчитай, покуќуй —
Время речкой бежит.
О бойце не тоскуй,
Он героем лежит.

В этой песне лесной
Он вовек не умрет —
Быстротечной волной
С ней по свету пойдет!

СТИХ СВИРЕЛЬНЫЙ

Поля мурáвятся. Озёра — изумруд.
В парчу и шелк тайга оделась.
Писать стихи теперь тяжелый труд . . .
Уж мне давно в землянке не сиделось.

К чему стихи поет апрель,
Цветет весна над прошлогодней прелью,
Беспечных дней немолчна трель,
И если петь . . . так петь свирелью!

УСТА ТВОИ

Ю. А. Кутыриной.

В тайге суровой, в бурю и в метели,
Где гибелью грозил мне каждый куст,
Я вспоминал улыбку милых уст,
И мне казалося, что звезды пели.

Я не видал их очи, но в метели
Мне чуялись незримые лучи . . .
Уста твои, как звезды горячи,
Они меня в тайге суровой грели.

ЧАС МОТЫЛЬКОВЫЙ

В травах таясь, богомолы
Молятся тихо былинкам.
За день усталые пчелы
К ульям спешат по ложбинкам

Час догорел мотыльковый.
Лунные вьются подёнки.
Конь мой вечерней подковой
Мягко сбивает опёнки.

Лес уплывает за степи,
В сне забываясь озёрном —
Кинул злащёные цепи
Звездным пожарищам черным.

Призрачным стал я. И мысли
Где-то за тучкой витают,
Крыльями в небе повисли . . .
Конь мой над звездами тает.

ПО ПЕРВОЙ ЛЫЖНЕ

Пургá скеребется под окном.
Усталый пес лениво дремлет
И забываясь чутким сном
Чему-то вздрагивая внемлет.

А на рассвете в блеске снежном
Нас встретит звонкая тайга,
Берёзка в одеяньи нежном,
На тропке узкой — кабарга. *

По первой лы́жне, с косогора,
Слетим на солнечный простор,
Чертя крылом опушку бора,
К подножью неизвестных гор.

ВЕЗДЕ ПОЮ

И зверь поёт . . .
И даже кот мурлычет —
Он в грёзах тянет
Песенку свою.
И я пою!
Пусть кто-нибудь похнычет —
Ему не верю: верю соловью,
Былинке в поле,
Хилой травке,
Косому зайцу,
Тучке, ветерку.
С кукушкою пою: «Куку?»
И сторожу́ кукушьи яйца,

* Кабарга — коза с оленьими рогами.

Лелею кукушат
С малиновкой в гнезде . . .
Ведь всюду жизнь?
И я пою везде!

ВАСЮГАН

По топким дебрям Васюга́нья,
В зеленом ма́реве болот,
Меня влекло одно желанье —
Стряхнуть в скитаньях прах забот.

За берестяной деревенькой
Я чуял жизни вольный дух.
В тайге огу́л на гуслях тре́нькал,
Свирелью радовал пастух.

А девушек глаза лесные,
Румянец жаркий — маков цвет.
Какие смелые, живые . . .
Других таких на свете нет!

ВЕЕТ ВЕТЕР

. . . и рыдаем, вспоминаем
что и мы глаза смежим! . .
Эдгар По. (1809—1849).

Неуёмный, шалапу́тный
Веет ветер озорник,
Он мне дорог, он попутный,
Он в случайности минутной,
Он как я — в кусты, в тальник.

К птице, к зверю, колким елям,
На широкий дикий плёс.
Мы своей свободе верим,
Путь свой мерою не мерим,
Жизни радуясь до слез.

И в скитаньях мы рыдаем,
Мы взвываем веселясь,
Что видали, то бросаем,
Забываем, отпеваем —
Вечно к новому стремясь!

ЛЕСНАЯ ДУДОЧКА

Мне рык звериный,
Голос соловьиный,
Дыханье трав,
И лепет ручейка, как музыка.

И жизнь моя легка . . .
Я сам пою весной
На дудочке лесной.

В СТРАНЕ ЛЕСНОЙ

Пойду, сорву я
Ключ-траву *

И дверь в былое
Отомкну.

* Ключ-трава — Botrichium luminarias.

Я размечу́
Недвижность стен,
Позор цепей,
Гнетущий плен.
Я круг зловещий
Разомкну.

И в жизнь иную
Улечу.
В стране лесной
Польюсь весной,
Струей живой —
Дышать волной.

И буду петь,
Ключом звенеть,
Кристально чистым
В мир глядеть.

О, ключ-трава,
Прими привет,
Тебе поёт
Лесной поэт!
Лесную песнь,
Лесной псалом . . .
Он не умрет
В краю чужом!

СНЕЖИНКИ

Всё в белом уборе —
Шелках, серебре.
Счастливым не горе
И в зимней поре.

Скажите, снежинки!
Куда вы летите? —
Кричу им с тропинки, —
С собою возьмите!
«Ты, — скажут, — унылый!»
С собой не возьмут . . .
А сколько бы было
Веселых минут!

ОДИНОКИЙ КОСТЕР

— И вот благовестие, которое . . . и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы . . .

(Первое послание Иоанна; глава I, ст. 5).

Развёл костер, —
в таёжке, на ела́нке.
Какие звезды! лунный
вижу серп . . .
. . . начало грёз,
и думы, как беглянки,
превыше гор,
где звезды — некий герб,
или корона
в северном сияньи . . .
О, край родной!
Очарованье! —
— тебе стихи!
тебе и мой привет, —
— любимый взор . . .
И в нем:
— Господний свет!

НА ЗАИМКЕ

Тайга маячит, аль шайта́ны
Аль грозны витязи стоят,
Все как из бронзы — мальчуганы
На водопой ордой спешат.
Сбегая в жолоб из колодца
Звенит прозрачная струя.
Лениво с заводей плетется
Гусей сварливая семья.
Туман встает из-за реки,
В за́ймках, в сгорбленных избушках
Висят как кисти огоньки
Как хлеба черного краю́ха
Стоят сусло́ны на полях
И грозно шлепает старуха
В тяжелых мужних сапогах.

ВЕСТОЧКУ ДОБРУЮ ПАРЕНЬ ПРИВЕЗ

Весточку добрую парень привез,
Солнце на лето, зима на мороз.
Скрылося красное. Летом вернется,
В сту́де, да в спячке тепла наберется.
Глянул соколик и сел у огня:
«Ты не закисни . . . смотри у меня!
Полно сидеть в шалашишке убогом,
Бегай на лыжах и лазь по сугробам.
В тундре заждались и дичь и пушнина
Бей куропаток. Тропою звериной
Зверю во след налегке поспешай.
Бей ротозе́я, а сам не плошай.

Надо — с медведем дела заводи,
Лишь подружиться к нему не ходи.
Он-то хозяин . . . Да что ему гость?
Хапнет, обымет, обгложет как кость.
Волк, проходя, эту кость погрызет,
Ветер подружке поклон отнесет:
Я позамешкался что-то немного
Ты, мол, не жди, выходи за другого.
В тудре-то скажут: да, был человек . . .
Вишь, оплошал — ну, и сгинул навек!
Вот про тебя моя быль небылица,
Мёд по усам, а по чаркам водица.
Водки стаканчик плесни молодцу . . .
Скоро ль с подружкой поедешь к венцу?
Сам поразмысли . . . А вот что, милок,
Ты бы у нас с ней устроил пирок.
В тундре-то есть где попить, разгуляться.
Есть чем и жить, да уж ежли признаться,
Правда, что целый ты свет обойдешь,
Места вольнее себе не найдешь.
Грозный, студёный у нас океан.
Снег да морозы, дожди да туман.
Но и в тумане не жизнь, а краса.
Тайное что-то, кругом чудеса . . .
Утки, гагары, турпáны, моржи.
Сколько добычи . . . Живи, не тужи!
Хватит на нас и на наших детей . . .
Ты, вот, еще мне стаканчик подлей.
Чарка по чарке, ведро наберется.
Слава хозяину, слава Ивану,
Слава студёному морю-кияну!
Ты не скупися, мы все не пропьем,
Ну, а пропьем, так опять наживем.
Внуки и сами что надо добудут
Станут трудиться и нас не забудут.

Буде им отдых и будет приют,
Песню про нас веселей запоют.
Деды, мол, тоже по нашему жили,
Волю искали и тундру любили!

ТАЙГА ЛОХМАТАЯ

За деревней сизой маленькой
Что-то ладит детвора.
Только сунул ноги в валенки
И как заяц со двора.

Закружила стёжка снежная,
Словно вешняя река,
А душа моя мятежная
Рада тешить паренька.

Любо ей в сугробах путаться,
Разгулялася на грех
Не могу никак закутаться
И не греет рыбий мех.

Одежонка небогатая
Да и сам я ветрогóн.
Что мне снег — тайга лохматая,
Как дохá со всех сторон!

ПО ТАЙГЕ ХОРОШЕЙ

Горькая калина да пирог-то сладкий
Серая холстúна да белы ребятки.
По тайге хорошей, что ни день то чудо —
Выпала пороша краше изумруда,

Загорелись звезды, что алмазы в небе . . .
В звонкий час морозный думать ли о хлебе,
Если кони рвутся, если вам за двадцать,
Если вольной птицей хочется умчаться?

ЗДОРОВО, БРАТ

Любил я стужу и гулкий лёд,
И ветра буйный, живой полёт;
В тайге на лыжах веселый бег
И волка дерзкий ночной набег.

Любил в бураны набатный звон,
Лихую песню, что пел чалдóн,
Багровый солнца в степи закат . . .
Любил, коль скажут: «Здорово брат!»

ТАЁЖНЫЕ ВСТРЕЧИ

Себя повсюду узнаёшь ты,
Бежишь к берлоге без следа . . .
Когда-нибудь в нее войдешь ты,
Чтоб в ней остаться навсегда! . .
Ян Райнис, латышский
поэт. 1865—1929.

В тайге с медведем не беседа.
Он на меня и не глядит.
Но все ж приветствую соседа,
Хоть у него и строгий вид.

Ну, как живется со старушкой?
Хорош ли ноне был медок
И поделился ли краюшкой
Отшельник, тихий старичок?

Еще какие ждешь налоги,
Платил ли заяц свой яса́к
И как живет в твоей берлоге
Людьми отвергнутый варна́к?

Ты где малинкой угощался,
Что видел в долгом зимнем сне
Когда с природою прощался,
Тревожа думы о весне?

Какую, с кем готовишь битву
И кто так порохом ожёг...
Твою звериную молитву
Тунгусский слышал ли божок?

ВЫСЕЛКИ

Звонко просеку рубили
Мужики, порою вьюжной,
С кряком сосенки валили,
Подсекали ельник дружный.

Год истек и деревенька
Обжилася, задымилась,
Кособокая маленько: —
К косогору прилепилась!

Завелися и ребятки.
Им трущо́ба — мать родная!
По тайге играют в прятки,
Лучшей доли не желая...

МОЙ ДРУГ

Опять в трущобе вековой
Мой друг нашел себе раздолье
Под шум тайги и волчий вой
Бредет в скиты на богомолье.

Попутчик странник или варна́к, —
Не все ль равны пред Богом люди: —
Мой друг, — рубаха и простак,
И он людей не строго судит.

В котомке общая еда;
Бредет мой друг, в тайге не тужит.
Придет беда — поймет тогда,
Какому Богу спутник служит . . .

«О ЗОЛОТОМ ОЛЕНЕ»

(Песня тунгусских охотников)
из сборника стихов о Сибири)

Моя Мечта, не первый год . . .
Найти Оленя золотого!
Там за горами он живет,
Рога из золота литого.
Тайгою, степью вдоль стремлюсь,
В краях неведомых витаю,
По золотым следам гонюсь,
Мечту мечтою настигаю.
Вы возвращаетесь в свой чум,
Добром нагружены богато,
Меня же ветер легкодум
Задел в полете раз когда-то,

И нет заботы у меня,
Я бросил много дорогого,
Моя мечта, стрелу храня
Поймать Оленя золотого.

БЛЮДИ ТАЙГИ ЗАКОН

Чужую рожь не трожь,
Над ульем не гадай.
И конь, как ни хорош,
Не твой, так не уздáй.

Бродяжь, коль по душе —
Не загорожен свет.
Живи и в шалаше,
Коль в избах проку нет.

Тайгою побредешь,
Попросишь — хлеб дадут.
А бровью поведешь —
Получишь и приют.

На панихиде блин,
В крестины — пирожок.
В тайге ты не один,
С людьми живешь, милок!

Суров тайги закон,
Угрюм таёжный люд,
Но тих церковный звон,
По Божьему живут.

Простят коль невзначай
Залезешь в огород: —
Сам Богу отвечай
За трудовой народ!

ДРАГОЦЕННАЯ РОССЫПЬ

Как богата наша осень:
На тайге парчи убор,
Серебриста неба просинь —
Шелк барашков нежит взор.

Золотая паутинка
Вьется кверху с паучком,
Гриб коралловый картинка
С бирюзовеньким жучком.

В бу́сах алая рябина,
В бархат ряжен знатный бор,
Дорогим ковром долина
Украшает жемчуг гор.

ИВАН НЕПОМНЯЩИЙ

Весна тревожит, — робко, нежно, —
Таёжный девственный покой.
А сердце юное мятежно,
Хожу, горю . . . и сам не свой!

В зеленой травке цветик алый
С укором ласковым, глядит.
Через дорожку зайка малый,
Куда-то в глушь с собой мани́т.

За енисе́йским перевозом
Я сяду в бойкий шараба́н —
Меня умчит навстречу грёзам,
Ямщик — Непо́мнящий Иван! . .

Цветы, травы, деревья

БЕРЕЗОВИЦА

Сладкий сок весною
первые дают берёзки.
А потом в меду —
и травы и цветы.
Сок берёзки:
сладенькие слёзки:
повострее надо коготки́.
Заскучал тунгусский ножик
в зиму,
в тайничке, за печкой,
у сверчков.
Я его сторожко, эдак, выну,
и в тайгу — как зайка:
был таков!
Приложуся губками к берёзке . . .
Та вкусней,
иль в этой слаще мёд?
Затвредели на морозе слезки . . .
Жарко сердцу,
а в брюшке́-то лёд!

ЧЕРЕМУХА

Где ж весна и где цветы...
Михаил Михайлов. 1862 г.
(Из посмертных стихотворений).

Цветов встречали не мало
Казалось бы, чуда в том нет,
И пусть бы спокойно роняла
Черемуха белый свой цвет.

Но были причины другие
Ту нежную ветку беречь:
Посмотришь — и вспомнишь
Россию,
Певучую русскую речь...
Дмитрий Даскин: «Мы были
тогда на Карпатах». 1961 г.

Черемуха цветет — сибирская невеста,
Слетелись пчелы на веселый пир.
Она им рада, щедрая!
Известно, пусть радость разнесут...
На весь крещенный мир!
Весенний шум пчелиный
Мы чалдóны любим,
Медку от пчел в тайге добыть
Порой не прочь.
А воском золотым
Зима напомнит людям,
Что на земле
Не вечно стуже быть.
Придти из церкви в теплую избушку,
Пирог черёмушный на скатерти узреть,
И на божничку,
И черёмух ветки,
Мечтая о весне,
С молитвою глядеть!

ЛИСТВОЙ ОПАВШЕЙ

Редеет лес, теряя свой наряд . . .
Листвой опавшей двигаться неловко,
А я ищу, который раз подряд,
Забытый путь на старую зимовку.

Опять придется зиму коротать,
И сны медвежьи снить в берлоге;
Да бить зверей, да про весну мечтать,
Бродя в снегах, пока таскают ноги.

Но сказок зимних сладок нежный плен.
Вечерний час. Тайги угрюмой шумы.
И вот сидишь среди замшелых стен . . .
Как будто сказочник тебя придумал!

ОСИНКА

Чуткой, трепетной осинке
Не видать веселых дней.
В темной, низенькой ложбинке,
Век дрожать придется ей.

Лист багряный свой роняя,
В голубой, таёжный мох
Жить про Божий мир не зная,
Слышать только ветра вздох.

Легких крыльев не имея,
Лишь в одном забыться сне,
Лишь одну мечту лелея —
Быть в серёжках по весне!

В ПЛАТЬИЦЕ СИТЦЕВОМ

В платьице ситцевом роща, —
Белых берёзок наряд, —
Нет их милее и проще,
Радуют путника взгляд.

Ели лохматы и хмуры,
Будто лесное зверьё —
Дыбом зеленые шкуры,
В иглах колючих корьё.

Кедры важнее и строже,
Словно бойцы — в шишаках,
Грозны порой непогожей,
Будто шумят в облаках.

Рощи роднее — осинки,
Любо на них посмотреть:
Крыльями машут в ложбинке,
Будто хотят улететь.

КЕДРЫ

Кедры — мудры, величавы,
Кедры — кудри, но с умом,
И молчат лесные травы,
Ели, пихты, все дубравы,
Если кедры ме́чут гром,
Если тучи взбаломутя
Кедры шумною толпой
В небе вихри ночью крутят . . .
Кедры — кудри, но не шутят,
Кедры с буйной головой.

КЕДР

Кедр могучий не оглянешь,
Он тайги зеленый царь.
Коль кедровых дров достанешь
На огне что хочешь жарь.

Кедры дружны, что опёнки —
Старый кедр семьей оброс.
У него в ложбинке звонкой
Наберёшь орехов воз.

Срубишь кедр — избу поставишь.
Кедр не ёлка: сердце сталь.
На базар бревно доставишь
И полтины дать не жаль.

Дом кедровый на два века,
В нем не жизнь, а благодать.
Он не выдаст человека:
Кедр садила Божья Мать.

ПОДСНЕЖНИК

Ив. С. Шмелеву —
его любимый цветок.

Снега много за таёжкой,
Но подснежничек цветок
Семенит зеленой ножкой —
Звонкий выкинул флажок:

На сугробы наступает.
Испугался, тает снег —
Ручейком в ложок сбегает,
Га́ти моет для телег.

Вскрылась речка, зашумела,
Разметала зимний дом,
По-весеннему запела,
Загремела синим льдом.

Разбудил цветочек белый
И тайгу, и даль степей —
Ждет тепла весны несмелой
И звенит навстречу ей.

ПОЗАБУДУ ЛЬ?

Позабуду ль незабудку —
Бирюзовенький глазок?
И вечернюю минутку,
В церкви тихой образок,

Торопливую тропинку,
Чащу темную тайги,
В поле робкую осинку,
Бег пугливой кабаргѝ,

Трепет звезд в движеньи вечном
И шагов медвежьих хруст,
Огоньки в селе заречном . . .
Где мне дорог каждый куст!

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Анютины глазки . . .
Какой же Анюты,
Таёжной, степной?
Нездешней, иной —
Анюты из сказки.

Анютины глазки
Уносит волной
Красавица Лена
На север родной
Где моря безбрежного
Ласки.

РАННИЙ ОДУВАНЧИК

Ветерок тревожит
одуванчик:
«Улетай-ка с новою семьей,
уж поблек парчевый
твой кафтанчик
и в пушистых деток
обращен!»
В думах тот?
«Да ты обманщик!»
Он в ответ:
«Я только спутник твой,
неизменный маленький шаманчик
за улыбку Богом пощажен».

ТРАВА-ЧЕРТОГОН

Забавно это? Чертогон . . .
Чертей не гонит — вдохновляет
А по тайге-то всякий знает:
В кровать подсунешь травки этой,
Твой враг не будет до рассвета
Ни спать, ни грезить,
И жуть лесную, а не сон
Ему нагонит чертогон

А черти, черти . . .
Как морошка:
И в дверь, и в крышу,
И в окошко,
И даже где-то под полом
У них Гомора и Содом.

МЫШИЙ ДУХ

Трава такая — мыший дух,
Он голубой, как незабудка,
И назван так скорее в шутку,
Верней назвать — синичкин пух.

Но филин ночью: ух да ух!
Его прогулка не забава,
Он ищет мышек в спящих травах . . .
Пожалуй правда — мыший дух!

КУНДУРАК

Растет по гати кундурак —
Трава, болотная капуста.
В народе много всяких врак,
Мне говорят, что кундурак
Бодрит когда на сердце пусто.

И вот глазею, как дурак,
Но стал немножечко бодрее.
Да, в нашей жизни не пустяк
Иметь какой-то кундурак —
Тогда и жить-то веселее!

МОЙ ЗВЕРОБОЙ

У зверобоя сердце золотое.
Он в сумке бережно храним,
И мне легко скитаться с ним.
Мороз трещит, пурга ль метёт,
Ударит гром иль дождь польёт
Придет беда, уйдет беда —
Мой зверобой со мной всегда.
Но смерть . . . А вот он — зверобой,
И смерть за мною ни ногой.

Но чем чудесен зверобой?
Как зверобой — готов он в бой!

МЕДВЕЖЬЕ УШКО

Ты глянь, цветет медвежье у́шко!
Медведь наверно обронил,
Когда от пули уходил.
А вот еще . . . Ай, вся опушка
В медвежьих ушках,
Как в хлопушках —
Здесь видно бой
Какой-то был?

Конечно был, еще какой,
Но бой совсем не зверово́й:
С медвежьим ушком василёк
Делили солнечный лужок.

Весенний бой,
Веселый бой!

КУДРЯВЫЙ ЗВЕРОБОЙ

Гляди кудрявый зверобой
Как лес над головой.
Его шатер — большой шелом,
Покрыл осенний бурелом,
И с виду кажется Ильёй
Наш богатырский зверобой.

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ

Вот они — Кукушьи Слезки,
Голубой лесной цветок,
На ела́нки у березки
Кем-то собранный медок.

Он сперва как будто сладкий —
Съеш, поморщишся: горчит...
Он заклятый, он с загадкой
Кто-то трогать не велит.

Обрамлен густою травкой —
Словно спрятали в острог...
На кого глядит украдкой
Этот дикий лепесток?

Почему он сир на свете,
Отчего горька сума?..
Говорят, садила цветик
Богородица сама.

Кто же он? То Божья тайна.
Чья-то совесть, чей-то глаз
И в тайге он не случайно
В этот тихий летний час.

Звери, птицы

СОЛОНГОЙ-ХОРЁК

Через дорогу солонгой —
Хорёк, нырнул, и скрылся в норку.
Мой конь усталою ногой,
Уныло тащится на горку.

За солонгоем и для нас
Пришла пора искать ночлега —
Последний гаснет солнечас;
Как хорошо в вечерний час . . .
Настала зорь вечерних нега!

КУЛИЧОК

В тундре далекой живет куличок.
Домик его приютился под кочкой.
Страшно в болотце ненастною ночкой:
Выглянет, спрячется длинный носок.

Утро забрежжит — болотный ходок
Снова печатает лапками тину:
Носик в осоку, а хвостик на спину,
С кочки на кочку зеленую — скок!

Черненький недруг болотных козявок
В царстве болотном проводит свой век;
Жизнь — по болотцам стремительный бег,
Смерть на постельке из тундренных
травок.

БУРУНДУК

Пуглив, как птичка, зайка серый,
Но всех трусливей бурундук.
В лесинку дятел носом: — стук!
А он летит, как угорелый,
Бежит, дрожит, и: юрк в нору!

Богач он страшный. Я не лгу.
Его нора чудес палата,
Покоев теплых и не счесть,
Коврами убрана богато,
А главное: — орешки есть!

В тайге такая ходит весть,
Что те орешки не простые: —
В них ядра, чистый изумруд,
Скорлупки перлы золотые.

ВОЛЧЬЯ СМЕРТЬ

Волк упал подбитый меткой пулей . . .
Вы слыхали волчий смертный вздох?
Лишь проклятье парни изрыгнули,
Тяжкий мат, и ткнули зверя в мох.

Зверь лежит, еще горячий бегом,
Дыбом шерсть, как полымя дымит —
Он сломал ребро об пень, с разбега,
Кость торчит, имея грозный вид:

Будто серый рыцарь был в доспехах,
Сбоку алый меч в бою держал . . .
И не мы, в охотничьих потехах,
Только волк геройство показал!

БЕЛКА-ЛЕТЯГА

У летяги лапки — крылья . . .
И не крылья — парашют!
Вдруг прыжок, одно усилье —
Лапки в воздухе поют.

В белой шапке, в белой шубке,
Как снегурочка на бал,
Полетела с ветки хрупкой
Серый волк бы не задрал!

Он не брезгует летягой
И летягу сторожит —
Притаился за оврагом.
Ишь, какой лукавый вид: —

Мол, не ем летучих белок,
Не зверюшка и не дичь.
Не люблю таких безделок,
Я привык баранов стрич.

Сам же спину выгибает,
Чтоб ловчее был прыжок.
Как схватить добычу, знает:
Из засады кверху — скок!

ЛОСИХА-МАТЬ

Лосиха-мать бредет с лосёнком.
Опасен путь — им волк во след.
Она склонилась над теленком: —
Куда запрятаться от бед?

Тайга поёт беспечно, звонко.
Захочет — может погубить,
И мать-лосиху и лосёнка . . .
А вóлка я могу убить!

ЗОРЮНКИ-СИНИЧКИ

Птички зорю́нки
Поют под зарёю,
Зорьных синичек
Немолчная трель.
Я ли свой дар
За криницей зарою —
Ветер и тот
По заре как свирель.
Алая тучка,
Зажгись багряницей,
Вспыхни зарницей,
Блесни, озари!
Птичка, сестричка,
Зорю́нка синичка,
Песенке этой
Крыло подари!

ПОЗДНИЕ ГУСИ

Поздние гуси станицей
К югу куда-то спешат.
Хочется вольною птицей
С ними лететь наугад.

С криком к озерам спуститься,
Чистой умывшись росой,
В речке таёжной напиться . . .
Там, за песчаной косой!

Звезды ночные, как просо,
С ними в пути подбирать;
Солнца дождавшись у плёса . . .
Зорькой в тайге догорать!

ТОСКОВАЛИ КУКУШКИ

Кукушка замолкает, когда
рожь поспевает.
(Крестьянская примета).

Тосковали кукушки в борах.
Всё — куку да куку! Где ты доля?
И гремит им в ответ на горах.
Эху дальнему весело вторю:
Не тужите, ведь эдак-то жить —
Позавидует даже счастливый:
Куковать вам — хлеба сторожить,
Замолчать — над созревшею нивой!

КРОТОВИКИ

(В окопах)

Войска идут и день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана...
(Из сказки о золотом петушке).
А. С. Пушкин, 20. 9. 1834,
10 ч. 53 м. Село Болдино.

Крото́винки-то с кочку...
А сколько настрочил
Дорожек под лужочком!
Гляди! Хватило сил!
Слепому землекопу,
Кроту — стихи пишу.
А сам-то, по окопу,
От страха чуть дышу.

К нему б теперь забиться,
В лукавые ходы.
И как-то приютиться
В награду за труды.
И гонорар кротиный
Дороже будет мне,
Медалистой полтины,
Добытой на войне.
Мы оба с ним поэты,
И оба под стопой . . .
О солнце, солнце! Где ты?
Ведь я-то не слепой!
Мне солнце очень нужно
Стихи писать, мечтать,
И выйти в час досужий
Не берег погулять.
У пушкинской Сороти,
Где Батюшков поэт,
Такой же милый кротик,
Мечтая ждет котлет.
А мне бы хоть акриды,
С слепым поводырем.
Пустыни адской виды,
Пылающей огнем.
Где куст неопалимый,
Святая Купина! . .
Мы Господом хранимы,
Кому, зачем война!

ГОРЖЕТКИ

> У лисички горе
> дети не в неволе:
> пошли детки
> на горжетки!

У алтайцев бестолковых
Пять сироток-лисинят,
Рыжих, маленьких щенят,
Я купил за пять целко́вых.

Частокол не городьба́
Пять целко́вых не деньга́
Быстро выросли горжетки,
Лисенята-однолетки.

Я горжеток не ношу,
Следом бегают горжетки,
Как за доброй мамой детки,
Их любить и вас прошу!

ЗА ЛОСЯМИ

Хитер таёжный зверь сохатый:
Его искать — когда найдешь.
В тунгусский чум, теплом богатый
Порой понежиться зайдешь

Следов в таёжке нынче много,
Да лоси ходят мне во след:
Мои следы для них дорога,
Дорог-то много — зверя нет!

Тропинки куньи, волчьи, рысьи
С лосями спутал я в узор —
Их оценил повадки лисьи,
Ружья пощупавши затвор . . .

ПЕСЕНКА
ПРО МИШКУ-ТОПТЫГУ
И СОРОКУ-БЕЛОБОКУ, СТРЕКОТУХУ

Не низко, не высоко
сидела сорока.
Брел тайгой Мишка,
косолапый Топтыжка.
«Здорово, дружище,
белый бочище!
Что нового в тайге-то,
скоро ль будет лето?»
«Лето не за горами,
да вот мужики по-за-дворами,
колья тешут,
идут тебя колоть-вешать!»
Испугался Мишка,
говорит:
«Ишь, как!»
Да как рявкнет:
«Кишь ты, стрекотуха!
Чтоб тебе ни пера,
ни пуха!»
А мужики-то в кустах:
«Трах! Трах!»
Затрещали ёлки-палки,

задрожали медвежьи копáлки.
Мишка в другие кусты
да и лататы́.
Думает сорока:
«Пропадешь до срока!
Медведь то медведь,
а надо лететь.
А мужиков дожидаться,
надо с ними драться!»
Так Сорока-Стрекотуха
да Мишка-Топтыжка и удрали.
Вы их не видáли?

ПРИЛЕТЕЛИ ВОРОБЫШКИ

Прилетели воробышки-талинники
И рáсселися, как будто именинники . . .
На постóй к нам веселые просятся,
А сугробы на них только косятся.

Не робейте, воробышки!
Подобреют сугробушки —
Ручейками сбегаючи
Да весну закликаючи!

ПО ЗАЯЧЬЕЙ ДОРОЖКЕ

Как будто пёнушек на заячьей дорожке?
Не пёнушек, а маленький божок.
Какой смешной: глазенки, даже рожки . . .
А что в руках? Пожалуй посошок? — а
может и флажок!

Веселый флаг, зеленый — флаг надежды:
Удачу всем и радости сулит,
Хоть сам божок: ни златы, ни одежды . . .
Но он вьюнком, как лаврами увит!

Пескам моим

ПЕСКАМ МОИМ

Здесь много ящериц — вара́нов,
Огромных, даже в целый метр.
И диких осликов — кула́нов
Я видел резвый, свежий след.

Верблюд укушен караку́ртом —
Опасным черным пауком.
Он не вернется больше к юртам,
Истлеют кости под песком.

Над ним шакалы справят тризну,
И я, быть может, лягу с ним . . .
Но не корю ни в чем отчизны: —
Вся жизнь моя — пескам моим!

ПУСТЫНЯ ИАВАЛА

Ада родила Иавала: он был отец
живущих в шатрах со стадами...
(Книга «Бытия», гл. 4, ст. 20),

Отец живущих со стадами,
Благослови пришельцев путь!
Не увлекаясь городами

Мы на просторе, под шатрами,
Пришли от жизни отдохнуть,
И на сынов твоих взглянуть.

Мы знаем, дети Иавáла,
Как прежде, верят в чудеса . . .
И да раскроется краса

Пустыни той, что чаровала
Далеких предков звездный сон,
И отверзала небосклон.

ФАТЬМА

Фатьма — любимая жена
Давно ушедшего пророка.
Теперь с небес глядит она
Звездой вечернего востока

Куда, какою чередой
Направит наши караваны,
Где окропит живой водой?
Песков пылают океаны.

И нас несет поток времён . . .
Но что утешит наши думы?
Не для того ли мир взметён,
Чтоб жизнь очистили самумы?

КАК УР ХАЛДЕЙСКИЙ

Вдали — шатры . . . как Ур Халдéйский,
Где Авраам когда-то жил,
Мечтал о царстве Иудейском,
Стада в пустыне сторожил.

И нам навстречу пастырь старый,
Гордясь библейской бородой,
Спокойно шествует с ота́рой —
Ведет овец на водопой.

Привет тебе, песков хозяин!
Пришельцев севера прими.
С детей полуночных окраин
Обет скитания сними . . .
Чтоб жили здесь мы со стадами!

ГИНДУ-КУШ

(Лунные горы)

Я диких петушков и каменных баранов
Встречал в песках, в предгорьях Ги́нду-Куш.
Ночуя по шатрам, на зорьке рано
Вставал, как волк пускаясь снова в глушь.
Со мною кизылба́ш, фрукто́вщик из Кабу́ла. *
Возил товар — душистую сарду́,
И наш костер из сучьев саксау́ла
Не раз пугал и зверя, и беду.
В каких-то бурдюка́х, пузатых и вонючих,
На Сыр-Дарье́ случилось мне тонуть,
Но месяц, страж ночной в грозовых тучах,
Благословил закончить дальний путь.
Вернулся я домой веселый и здоровый,
Пустыни прах поцеловав тогда,
И лунный луч, вернувший к жизни новой,
Свой след во мне оставил навсегда.

---

* Город Кабул, столица Афганистана.

АРБАДЖИ

Пастушеский посох, как жезл Моисея,
Нам путь указал в обетóванный край,
Где звезд самоцветы, незримое сея,
Эдемский взлелеют потерянный рай.

А встретились нам не волхвов караваны,
Везут арбаджи́ не Христовы дары,
Но их побоялись ночные шайта́ны,
И путь свой они завершат до жары.

И есть в них святое, библейское что-то . . .
Смотри, на осля́ти не Божья ли Мать
Склонилась над Сыном, и с нежной заботой
Святого Младенца спешит приласкать?

ТУРКМЕНИЯ

Выгнув высокие спины
Бродят верблюды стадами.
Чем дорожат бедуи́ны?
Волей! А грезят шатрами!

Будем и мы проникаться
Этой колдующей думой,
Солнцу в пути улыбаться,
Звездам и знойным саму́мам.

Станут пески колыбелью,
Родиной нежной, безбрежной,
Утренней тихой свирелью,
Солнечным сном безмятежным . . .

Грянем в любви неизменным
Этим просторам орлиным;
Слава российским туркме́нам,
Слава и вам, беду́ины!

ОАЗИС

...так говорили мне цари
и каждый так
мудрец твердил...
(Армянский поэт XIII-XIV
века И. Ерзынкайский).

Звонкой стрелой серебристой,
Отблеском солнца — ары́к,
С влагой, живою и чистой,
В сердце пустыни проник.

Вот он — оа́зис цветущий,
Житница древних царей,
Снова к скитаньям зовущий
В лоно песчаных морей.

Мы налегке, как номады,
В путь собираясь поём.
Ветра попутной прохлады,
Лунного вечера ждём.

Длинная тень минарета
Канула в заросли роз,
В далях скрываяся где-то
Синей тропинкою грёз.

АЖУРНАЯ СТАЛЬ

Серебристая дрёмь соленистых озёр;
Солончатые степи — преддверье пустыни,
Как ажурная сталь пролились на простор
И в кристальной оправе застыли.
Но звенящей струной пробежал ветерок
И в хрустальную даль задрожали,
Как с кристаллом кристалл,
Как с бокалом бокал
Эти искры мечтательной стали.

ТАШКЕНТ

Ташкент, оáзис голубой
Рожденный грёзами пустыни!
Как не воскликнуть пред тобой:
Ты наша слава и святыня!

Не здесь ли белый генерал,
Красой твоею восторгаясь,
Отважным соколом летал,
Знаменами к тебе склоняясь?

Бессмертен Скобелев герой,
В твоих садах живущий где-то . . .
Ташкент, ты кажешься порой,
Шехеразадою воспетым!

Твоих мечетей строгий вид
И стройных тополей высоких
Невольно сердцу говорит
О временах ее далеких.

Гарун Рашида легкий след
Как сон возникший над пустыней!..
Ташкент, пескам твоим привет,
И минаретам в дымке синей!

ПРИ ВОДАХ

...и расположились станом
при водах...
(«Исход», гл. 15, ст. 27).

У костров мы, при во́дах
Будто древний израильский стан,
Неизменный в веках и народах.
Но узбе́к нам толкует Коран:

«Чистым будь, как песок родниковый,
Как гранатовый плод, как звезда,
И дорог не касайся подковой,
Будь, как ветер — крылатым всегда!»

Слышны грома далекие гулы, —
Раскатились, свободой гордясь, —
К водопою верблюды и му́лы
Подошли, как тростник наклонясь.

НАЛЕТЕЛИ ВОРОНЫ

Налетели вороны,
Поклевали падаль,
Разлетелись в стороны...
Горевать-то надо ль?

Это ведь отжившее
И его забудут: —
Падаль сторожившие
Чем-то сыты будут!

Но душа свободная
Падалью не сгинет . . .
И пески безводные
Соколом покинет!

В ПУСТЫНЕ ЗНОЙНОЙ

...караван в пустыне знойной
все идет, все идет...

Травами росными бредим.
Знойный полу́денный час.
Солнцем палимые едем.
Свет нетерпимый для глаз.

Жадно песчанное море
Жжет наш дымящийся след,
Пляшет в тоскующем взоре
Злобным предвестником бед.

Долго ль еще караваны
Будут кипеть на огне,
Ночи и лунной нирва́ны
Ждать в нескончаемом дне?

Вспыхнули звездные лики
В гребнях песчаных могил . . .
Кто-то Незримый, Великий
Дышет прохладою крыл!

ИЗ ГЛУБИНЫ ПУСТЫНЬ

Стоит бурятский храм — даца́н,
Как старый ла́ма над песками.
Усталый, пыльный караван
Под сень его явился с нами.

Вернулись. Слава небесам,
Шатрам далеким, и кочевьям,
Мира́жам, снам и чудесам,
Ручьям, оа́зисов деревьям.

Господь! Из глубины пустынь
Мы донесли Твои святыни . . .
В душе и горькая полынь
Твоею дышет благосты́ней!

КАЧУБ КЕТТЫ

Качу́б кетты́! — откочевали,
Ушли на новые места.
А там, где станом мы стояли
Гуляет ветер не спроста:

Готовит пастбища туркме́нам,
Метет горячую золу,
И вечно склонный к переменам
Он славит волю и Аллу́.

НЕБЕСНЫЕ КОЧЕВЬЯ

Песок горячий и певучий
Поднялся к небу фимиамом,
Взлетел молитвою кипучей
И вся пустыня стала храмом.

И караваны потянулись
Туда, в небесные кочевья,
Прозрачной цепью растянулись
Искать оазисов деревья.

Но я, окутанный песками,
Не изменю родной пустыне —
Цепляясь жадными руками
За всякий знак за ды́мкой синей!

ГОЛУБЫЕ СЛЕДЫ

Ящериц лапки мелькают.
Вижу их след голубой.
Тайну какую-то знают,
День погасив за собой.

Ре́зво блеснули, пропали.
Гаснут и солнца лучи
Ме́ркнут — пустыня и дали,
Звезды зажглися в ночи.

Я засыпаю счастливым,
Кто-то хранит от беды.
В этом стихе торопливом
Маленьких лапок следы.

МОЙ КАРАВАН

Мой караван с кори́цей и шафра́ном,
И с на́рдом шествует в песках.
Каким-то розовым туманом
Пыль стелется в моих ногах.

Ее развею я по странам,
Моей пустыни фимиа́м . . .
Мой караван, как будто храм,
Себя отдавший океанам.

МЕЛХИСЕДЕК

И Мельхиседек . . . Он был священник Бога Всевышнего («Бытие», гл. 14, ст. 18).

Господне слово — человек . . .
Передо мной, как сон пустыня,
И, вот, вдали, над бездной синей,
Идет седой Мельхиседе́к.

Ищу я тернии глазами,
Чтоб зреть его незримый след
Пески ищу я со слезами,
Иль прах песков . . . И праха нет!

Святое слово — человек.
Так дивен Бог в бессмертном слове.
И для меня возникши внове,
Отныне свято . . . И вовек!

САМПО СИНКИ

Приятель старый Са́мпо Си́нки, —
Его знавал и Све́н Геди́н, —
Раскинул юрты по ложбинке
Вблизи ага́товых руин.

Васса́л святой далекой Лха́ссы
Живет кочевником простым.
Как сын великой желтой рассы
Бессмертным Ла́мою храним.

К нему заехал мимоходом,
Стремясь в таинственный Тибе́т.
Он молодеет с каждым годом . . .
А за плечами столько лет!

ПЕСКОВ МОРЯ

Мы у последних тамари́сков,
А дальше — дикий викса́ул,
Склоняясь в прах пустыни низко,
Над дюной мертвою уснул.

Конец пути не так-то близко.
Кругом мертво. Песков моря
Язвят, язвят в колючих искрах.
Под солнцем яростным горя.

И, как моски́ты, пыль въедаясь
Сквозь ткань одежды мучит нас.
К верблюду плотно прижимаюсь,
Свой плащ стряхнув уже не раз.

Иду едва земли касаясь.
Как пьяный — полдень истомил.
Но я упрямый, я не каюсь,
Любовь к пустыне сохранил . . .
Своей дорогой восторгаюсь!

ПРОЩАНИЕ С КАРАВАНОМ

Оáзис, островом большим,
В пустыне знойной затерялся.
Я с караваном распрощался —
Ушел он, стражею храним.
Еще мой взор следит за ним.
Но вот, последнего верблюда,
Песков душа, краса и чудо,
Исчез лазурный силуэт.
Как одинокий минарет
Высокий тополь выступает.
Под ним присел. И он не знает,
Что расстаюсь на много лет,
Пустынь бродяга и поэт,
С его мечтательною тенью.
Потом вернусь я, без сомненья . . .
Лишь прошлому возврата нет!

В КОЧЕВЬЯХ

И коз молочных и верблюдов,
Овец для шерсти и мехов,
Пересчитали у шатров
Чтоб не бояться пересудов:

«Вот приходили и ушли,
Мы их не знали иноверцев;
Как нож вонзили в наше сердце,
Стада с собою увели!»

В мешки палатки уложив,
Пришли с кочевьями проститься;
Свой срок пастуший завершив,
Припасов взять и помолиться . . .

ЛЕБЕДЬ ПУСТЫНИ

Верблюд — радость пустыни!

Верблюд прекрасно величав.
Плывет, как лебедь над пустыней,
И, смело голову подняв,
Ей звезды числит в небе синем.

Она не им ли хороша,
Не для него ли и простёрлась,
И в небо звездное упёрлась,
В нем жизнь ее, ее душа.

Вот почему порой она
Лишь дремлет, кутаясь в туманы . . .
И светлой радости полна,
Когда увидит караваны!

У ОЗЕРА ДАЛАЙ-НОР *

(Озеро Хулуньчи)

Молчи и внемли тишине,
Прерви моливенно дыханье:
Ты в древнем храме, ты в даца́не,
С самим Буддо́й наедине
    Беседуй с ним и отдыхай
    От пустословия людского,
    На скалах озера святого
    С суровым именем Дала́й.
Не посмеется он, что ты,
Когда-то дерзкий богоху́льник,
Целуешь высохший богу́льник: —
Любимой родины цветы!

---

* Написано возле вала Чингис-Хана, на реке Аргуни. Неподалеку было две наших обители. У Чикойского хребта Иоанно-Предтеченский монастырь. Основал его пустынник Варлаам. По преданию, до него в этих местах был апостол Фома, доходивший с благовестием Христовым до берегов Великого океана.

К Чикойскому монастырю был приписан, на двести верст отстоявший от него Пантелеймоновский скит. Был он при Яморовских минеральных водах, считавшихся целебными.

Снежная псалтырь

СНЕЖНАЯ ПСАЛТЫРЬ

Пред нами
снежная пластирь.
Снега поющие
над степью.
И степь,
во всем великолепьи
раскинулась
и в даль, и в ширь.
Над нами
светлый богатырь,
стремящий бег
в полночны страны . . .
И конь,
ступив за океаны,
как жар-цветы
взметает снег!

ХВАЛИТЕ ГОСПОДА

Хвалите Господа — земля,
огонь и снег,
и свет, и тьма . . .
И бури дух
над снежной
бездной!

СВЕТЛАЯ ДОРОГА

Предай Господу путь твой,
и надейся на Него...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 37, стих 5).

В своем пути
доверься Богу.
Пусть будет путь —
Господний путь.
И я в пути своем
молюсь,
чтоб путь был
светлою дорогой!

ОГНЕННЫЕ СНЕГА

Когда Ты испытал сердце
мое, посетил ночью, переплавил меня...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 17, стих 3).

Господь
в пустыне
посетил меня —
И переплавил!..
Звенели льды,
и снег
Метал огнём.
Взмахнув
серебряным крылом
и ввысь стремясь,
я Бога славил!

ОСЕННЯЯ СТЕПЬ

...как краса лугов,
исчезают...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 37, ст. 20).

Цветы,
краса лугов,
поблёкли.
Вижу осень,
за ней придет
и снежная пора.
Я двинусь со двора,
никто меня
не спросит:
«Куда? Зачем?»

МАТИ-СТЕПЬ ПРЕКРАСНАЯ

Доля мне досталась
в прекрасных местах...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 16, стих 6).

Доля досталась
в прекрасных местах,
путь мой приятен.
Снежные гимны
всегда на устах...
Снежный простор
необъятен!
Что мне услада,
очаг и приют.

Сердце скитальчеству
радо.
Белые снéги
в раздольи поют . . .
Лучшая сердцу
награда!

ОГНЕННАЯ МЕТЕЛЬ

как мякина,
которую развевает ветер...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 1, стих 4).

Снег,
как мякину
треплет ветер . . .
Но, хорошо
в краю родном!
Кого в сей день
в степи не встретил,
сердца как сталь . . .
И взор с огнём!

СНЕЖНЫЕ КОЧЕВНИКИ

Ты отдал нас, как овец, на съедение, и между народами Ты рассеял нас.
(Книга «Псалтырь», учение сынов Кореевых,
псалом 44, стих 12).

Молит кочевник
в мольбе неизменной:
«Боже!

Создатель великой
вселенной!
Мы, ведь, как овцы
идём на закланье.
Дай же нам место
для наших скитаний.
Любим просторы
и снежную ширь.
В бурю читая
святую Псалтирь!»

В СТЕПНОМ ПРОСТОРЕ

> ...В тесноте Ты давал мне простор. Помилуй меня и услышь молитву мою.
> (Псалтырь царя Давида, псалом 4, стих 2)

В тесноте Ты давал мне
простор...
Как же тесной
окажется степь,
высота неприступная
гор?
В тесноте
начинающий петь,
рано, поздно — уйдёт
на простор:
воспевать белоснежную
степь...
И величие снежное
гор!

СТИХИ БЕЛОСНЕЖНОЙ ПСАЛТЫРИ

Степной
неизменной ширью
свободно скитайся.
В стихах,
белоснежной псалтыри
и «камень
прибежище зайцам».
И кустик
под сень свою пустит,
коль знойное лето настанет . . .
А в шорохе трав многоустом,
молиться душа не устанет!

МЕТЕЛИЦА

(Степная песня)

Как по улице
Метелица метёт.
За метелицей
мой миленький
идет.
Заметают след
кипучие снега.
Я же бедная
осталася
в слезах.

БЛАГОДАТНАЯ СТЕПЬ

Господи! Кто может пребывать
в шатре Твоем?..
(Псалтырь царя Давида,
псалом 15, стих 1).

Господи!
Кто может
обитать
в шатре Твоём
в степи
благодатной?
Вот, и поём
Снежный псалом,
благодарный!

В СНЕЖНОЙ ЧИСТОТЕ ПРЕБЫВАЯ

Вооружайся чистотою,
чтобы Он не прогневался,
и вы не потеряли пути...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 2, стих 12).

Вооружайтесь
снежной чистотою
сбираясь в путь.
В степи
душа не может
быть иною...
Снега метут!

МАТИ СНЕЖНАЯ ПУСТЫНЯ

...Тенью крыл Твоих
укрой меня...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 17, стих 8).

Кровом
крыл твоих
укрой меня пустыня!
В чистом поле,
средь снегов...
Где пою тебе
поныне,
с жаром
пламенных
стихов!

ВЕСЕННЯЯ СТЕПЬ

В степи
не вечные снега.
Не то, что полюс
или горы.
Весною степь
чарует взоры.
И побежавшие снега
ручьями тешат
наши взоры.
У ручейков цветут цветы,
как вечной юности
мечты!

ПУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Господом
твёрды шаги человека...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 37, стих 23).

Правду вещали пророки
от века:
«Господом
твёрды шаги
человека.
Падать он будет
Поднимет Господь...
Бог не забудет,
что немощна
плоть!»
Так и живут
средь великой пустыни:
«Бог вам на помощ!»
звучит и поныне.

ДУША, КАК ЛАНЬ

Как лань стремится...
душа моя...
(Книга «Псалтырь», уче-
ние сынов Кореевых).

Как лань стремится
к потокам вод,
так душа моя
стремится к Тебе, Господь!
Не пугает ни снег,
ни лёд
ток живой воды
найдёт!

МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

Да будет обилие
пшеницы на земле...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 72, стих, 16).

Я с давних пор
мечту в степях
лелею.
И предо мною
книга золотая:
«Да будет век святой
пшеницы и елея...
До снежных гор
чудесного Алтая!»

СТРАНА ЧУДЕС

...на верху гор да будут волноваться
ее колосья, как Ливанский лес...
(Псалтырь царя Давида,
псалом 72, стих 16).

Сегодня степь
полна чудес.
Шумят колосья,
как Ливанский лес.
Луга лазурные,
как море
в час прибоя.
Сияет небо
голубое...
А радость наша
до небес!

ХЛЕБА ПОЮТ

....и радостью холмы пре-
поясаны...
(Песнь царя Давида,
псалом 65, стих 13).

О, мати — пустыня
прекрасная!
Нам радость холмы
препоясала.
Хлеба́ торжествуя
поют!
Забыли мы зиму
студёную.
Вечерними тихими
звонами
лелеем
свой скромный
уют!

ПАСХАЛЬНОЙ НОЧЬЮ

Пасхальной ночью
хрупки льдинки...
Как будто с кем-то
в поединке
сердец холодных
тает лёд,
лишь робкая заря
взойдёт.

И я тогда отрадно
верю,
иду с любовью
к птице, к зверю,
чтоб всех и вся
опять обнять,
Христовой радости
внимать!

В ПРЕДДВЕРИИ ЛЕТА ГОСПОДНЯ БЛАГОПРИЯТНОГО

Благослови венец лета,
благости Твоея, Господи!

Снег,
как морская волна.
Иней, что пепел.
Жизнь,
все мирские дела,
жжёт,
и метелицей
треплет.
Скоро
настанет тепло.
Лето
в дыханьи Господнем.
Мир,
как заоблачный дом,
в радости вешней
сегодня!

Ив. Новгород-Северский в 1926 году

Бессмертие прошлого

БЕССМЕРТИЕ ПРОШЛОГО

> Как увядающее мило!
> Какая прелесть в нем
> для нас . . .
> Ф. И. Тютчев.

«Как увядающее мило
Какая прелесть в нем для нас!» . . .
О, прошлое! Твою могилу
Раскроет ангел в некий час.
И мы увидим в оправданье
Твою чарующую явь . . .

Свое бессмертие прославь
И дай векам свое сиянье!

ПРОБИЛО ПОЛНОЧЬ

Грёзят былым гобелéны.
Пробили полночь куранты.
Тихо раздвинулись стены,
Словно веков фолиáнты.

Дышут преданьем камзо́лы.
Движутся в ритм минуэта.
Шелком расшитые полы.
Цепь золотая лорне́та.

Кто разбудил клавеси́ны
В смутном дыхании ночи,
В раме старинной картины,
Чьи загорелися очи?

БЫЛОЕ

Было́е . . . Как хрупко и тонко
Звучит это слово в тиши.
Бреду по аллеям, сторонкой.
Кругом — никого, ни души!

Две тени тревожно мелькнули
И кажутся призрачным сном.
Не здесь, а в далеком былом,
Навеки они потонули.

Рояль встрепенулся не звонко,
Чуть слышно шуршат камыши.
Было́е . . . Как хрупко и тонко
Звучит это слово в тиши.

ТЫ НЕ ПОЙМЕШЬ

Ты не поймешь, потомок мой любезный,
Всей прелести моих родных пена́т.
Вот посмотри — на клумбы, этот сад,
На небосклон ... такой глубокий, звездный!
И на балкон над ветхою стеной ...
Все дышет здесь какой-то тишиной,
Каким-то ладом с русскою природой.
Меняются цари, кумиры, моды —
Усадьба же не хочет быть иной.
Ей мило то, что с прошлым не в разладе,
С расходами в сафьяновой тетради,
Геранью, квасом, ладаном икон,
Со скромным тюлем маленьких окон,
И Ли́ком Спа́са в бронзовом окладе.

ПРОБИЛ ЧАС ...

Пробил час на высокой башне —
Затерялся во тьме времён ...
Кн. И. М. Кантакузина.

Пробил час на старинной башне —
Затерялся во тьме времён
Но вернул мне день угасший,
Век минувший им воскрешён.

Пробил час на старинной башне —
Прозвучал былому сигнал,
Жить теперь мне не страшно:
Мир ушедший в защиту стал.

ЛАР

Есть некий дух домашний, незаметный лар,
Добра́ блюститель зоркий, домоседа.
Его в усадьбе знает млад и стар.
У нас о нем всегда идет беседа.

Немножко суетлив вертлявый домовой,
Старик — шатун, а лар степенный:
Он не скрипит в ночи́ над головой,
Но утром вас разбудит непременно.

И чаем угостит, со сливками, с халвой,
Отыщет книги, ноты, и в тетради,
Порой черкнёт за вас стишок, другой,
Как будто так . . . Уюта, что ли, ради!

ЛЮБЛЮ УСАДЬБУ

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша
По образцу ль какой царицы ты одета,
Пастушкой ли сидишь у шалаша, —
Во всех ты чудо света! . .

(Эпиграф из поэмы Богдановича «Душенька», к повести «Барышня Крестьянка» Ивана Петровича Белкина, изданной А. С. Пушкиным в 1830 г.).

Люблю усадьбу прежних лет.
Балкончик мезонина,
Моей мечте как будто вслед
Аккорды пианино.

Стыдливый тюль цветных окон,
Герань в сырых горшочках,

Часов старинных тихий звон . . .
И барышень в платочках!
Вечерний чай и самовар,
Уютный, говорливый,
Ночную тишь, полдневный жар
Над речкой небурливой!

УСАДЬБА
ПРЕЖНИХ ЛЕТ *

С каких уж пор, как будто бы ничья,
Стоишь усадьба в полном запустеньи —
Ни рёва стад, ни щёлканья бича,
Ни петушиного, по гумнам, пенья.

Как дорог мне ее волшебный сон . . .
А не вчера ль задернуты гарди́ны,
Умолк часов старинных звон
И люстры потемнели у камина?

Здесь так легко от века уходить,
Склонясь в тиши над ветхою тетрадкой,
По комнатам задумчиво бродить
И робко грезить о былом украдкой.

---

* Из повестей Ивана Петровича Белкина, изданных в 1830 г., в коих Александр Сергеевич Пушкин скромно скрывался под псевдонимом «А. П.».

В УСАДЬБЕ СТАРОЙ

Есть что-то милое в усадьбе старой,
В ее паркетах, речке голубой.
Смотри, стремгла́в бежит какой-то малый,
За ним кот Васька мчится — хвост трубой.

Сарай каретный стал пернатым царством:
Идем за веком, что нам до карет —
Там домовито, с редким постоянством,
Кудахчут куры... Много-много лет!

Куриных сколько звонких поколений
Ушло на кухню, к Богу сколько слуг,
Пока к бабусе милой на колени
Забрался пошалить любимый внук.

БАБУШКА

...Две бабушки мои. Одна
как на портрете,
В роброне, с кружевом и
лентой голубой
Поверх напудренной
прически величавой...
Л. А. Мей.(16. 12. 1856г.).

Висит в гостиной бабушки портрет,
Старушки милой в рыхлом криноли́не.
На свете нет ее уж много, много лет...
Но кем усадьба держится поныне?

Конечно, ей послушный домовой
Собрал в чулан несметные запасы
Грибов сушёных с мятною травой,
Вина, варенья, мёда... и колбасы!

Я не хозяин здесь — домашний тать
В пчелином улье прошлых поколений.
Я не коплю. Привыкнув только брать,
Лишь время провожу в мечтах и лени...

ПОСВЯЩЕНИЕ Ю. А. КУТЫРИНОЙ

18 мая, день святой Юлии Анкирской.

В усадьбу Шишкино — твой уголок, —
Пишу в День Ангела, дружок!
И не дружок, а друг, товарищ...
Роднит нас дым родных пожарищ,
Вопцá далекий бережок. *
Там ландышь выкинул флажок,
Зовет на шум лесов дремучих.
Там великаны ходят в тучах,
Плывет со Стенькою стружóк,
Отраден выпавший снежок,
Мороз трескучий, сани, кони,
Весною Пасха в красном звоне...
Так вот... С Днем Ангела, дружок!

1907 г.

---

* На берегу реки Вопца. Усадьба Бараново напротив усадьбы Шишкино, Дорогобужского уезда, Смоленской губ. (В Баранове в 1907 г. жил Ив. Новгород-Северский, а в Шишкино — Юлия Кутырина).

Наш старинный уездный городок возник когда-то в темных непроходимых лесах смоленских. У глухой безлюдной дороги к легендарному разбойнику Бужу, почему и назван Дорогобужем.

СУДЬБА

Спутнику жизни,
жене и товарищу-другу
Юлии Александровне
КУТЫРИНОЙ

Река Вопец, *
не свету конец.
Жизни начало,
сказкой венчанное!

Судьба давно венчала нас . . .
Там, у Вопцá — родной реки,
Я целовал твои глаза,
Глаза как васильки.

Я целовал твои глаза,
Глаза как васильки . . .
А за тобою, далеко —
Горели огоньки.

ЮЛЮША

По ковровой вытертой дорожке
Топот ножек сбивчиво звучит.
Сквозь узоры в радужных окошках
Чей-то глаз внимательно глядит.

Очень рано ехать на салазках:
В парке — тени, иней на ветвях.
Там, пожалуй, наяву, не в сказках,
Кот бредет в огромных сапогах.

---

* Приток Днепра, Смоленской губ.

— Цап, царап! — и плакали игрушки
— Рраз! — в мешок, и Юлю унесёт,
И продаст Яге, лесной старушке,
Чтоб иметь гостинцы в новый год.

В СТАРЕНЬКОЙ УСАДЬБЕ

Ровнее в старенькой усадьбе —
Здесь нет ученых, нет невежд,
И на крестинах, и на свадьбе
Полны все радостных надежд.
Пирог готовят именинный,
Что твой столичный монумент.
Без орденов, без всяких лент
Садятся в маленькой гостиной.

И чинно, зная череду,
Возносят тосты в знак признанья —
В таком-то, мол, лихом году
Ваш дед явился к нам в изгнанье.

Так в честь его, и в вашу честь
Мы рады выпить в этом доме,
Откинув фальш, а так же лесть . . .
И зная толк в вине и в роме.

У СОСЕДА

Вальдшнепов нет — еще не прилетели,
А уток тьма, но утки нам не дич.
Играем в дураков в старинном зале,
Глинтвéйн согрел услужливый Ильич.

Мой верный пес уткнулся в угол носом,
Он сидя спит . . . Иль грезит о былом.
Подёнки вьются над огнем,
На них котенок смотрит косо.

В камине уголёк трещит,
Мигая освещает стену: —
Блестит кинжал, какой-то древний щит,
Портрет княжны, убитой за измену . . .

НА ВОПЦЕ

Я и теперь с усадьбою в ладу.
Как будто бы вчера надумал прогуляться —
В траве мои следы росой еще дымятся . . .
И мною начат день в большом, густом саду!

К Вопцу́-реке тропинкою бреду.
Погожий день . . . А вот еще дорожка:
Крадусь по ней сторожко, понемножку . . .
Куда я с ней? . . В какую глушь приду? . .

Откуда знать, не нам о том и ведать,
Потянет в лес, а будешь на лугу . . .

Не мною начат день в большом, густом саду:
Не раньше ли меня проснулись птицы?
И мышка серая давно уж суетится —
Она сегодня с кошкой не в ладу.

Куда, в какую глушь сегодня забреду?
Не встречу ль там я Марьюшку Моревну,

Нет, я тебя, мой свет, тропинкою найду!

КТО СТРУН КОСНУЛСЯ

Рояль стоит полураскрытый.
Сегодня утром, очень рано,
Я слушал вальс давно забытый.
Сквозь запах вкрадчивый тюльпана.

Он был похож на час рассвета,
На сон, встревоженный волною, —
Рыдал за старою стеною
И тихо замер, без ответа.

Кто струн мечтательно коснулся,
Какой волшебник тронул звуки,
Кто в звуках грустно улыбнулся,
В избытке чувства, в странной муке?

В ТУМАНЕ ЛУННОМ

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит . . .
М. Лермонтов, 1841 г.

Небо тихою грозою
От зарниц всю ночь трепещет;
Тучки никнут полосою,
Не гремят, а только блещут.

Робкий вздох на клавесине,
В сад отворено оконце;
Что за воздух в мезонине,
Так таинственно без солнца.

Я притих, я зачарован
Звуком струнным, светом ночи.
В голубом тумане лунном
Чем полны пытливы очи?

Я люблю чудесный пальчик,
Тот, который тронул звуки...
Тихий, скромный, грустный мальчик,
Плачу я, страшась разлуки!

ДРЕМЛЮТ ЗЕРКАЛА

В старом доме дремлют зеркала...
Кн. И. М. Кантакузина

В старом доме
Дремлют зеркала,
Потускнела гладь стекла! —
Отражать устала.

Но родное сберегла...
В темных залах
Грёзам отдала
И в стихах,
Как искры разбросала!

ГОЛУБЫЕ ШПАГИ

Ларчики, футлярчики, шкатулки —
Тонкая работа мастеров.
А на башне бой курантов гулкий
Острый шпиц блестит в венце гербов.

Из портретной — вереницы теней:
Предков славных вьется череда.
Это все к какой-то перемене . . .
Не случилась бы со мной беда?

И тревожно сердце замирает,
Жаль расстаться с призрачным былым.
Ах, никто из вас, никто не знает,
Как я нежно предками любим!

Не отступят голубые шпаги,
Никому в обиду не дадут —
Чую мощь в тяжелом, мерном шаге . . .
Вся усадьба — родовой редут!

В УСАДЬБЕ ТИШИНА

В усадьбе вечная колдует тишина,
И в скрипе половиц всегда предупрежденье —
Хандрит усталый дед, безумствует страна:
Они тогда за нас в мучительном волненьи.

Да, кресло дедово еще, порой трещит,
А это, говорят, перед плохой погодой.
Усадьба старая не ссорится с природой —
На крыше хлещет дождь . . . И в залах дождь стучит.

Порою зимней снег набьется по трубе —
Большой камин в углу цветет тогда узором.
Там ледяные ели тянутся в мольбе,
О чем-то шепчут мне с укором.

МОЯ УСАДЬБА

Как хороша моя усадьба,
Мой угол тихий и простой.
Крестины будут или свадьба,
Иль пир лицейский холостой.

Она поморщится, и снова
Потянет жизни череду —
Пои́т приятеля шального,
Растит антоновку в саду.

Капустой полнит огороды,
Водой — речные берега,
И, вольной хартией природы,
Коврами жалует луга!

В СТАРОМ МЕЗОНИНЕ

В старом мезонине завелися мышки —
Робкие, живые, малые зверьки;
Скромно поселились у рояльной крышки,
Над чуланом темным, где стоят ларьки.

Тихо в мезонине, лишь скребутся мышки...
Табунится стадо у большой реки,
Суетятся бойко пастухи-мальчишки,
Сети растянули дружно рыбаки.

В старом мезонине разгулялись мышки.
Их никто не тронет. Люди — за рекой.
И кому помеха, что рояльной крышки
Кто-то уж коснулся... Только не рукой!

ЛИШЬ КАНТЕМИР

Лишь Кантеми́р да Тредьяковский
Меня учили рифмы плесть.
О, стих мой бедный, стариковский —
Не велика досталась честь.

Но все ж в старинке что-то есть,
Как есть краса в цветных камзолах,
В амурах, нимфах и Эолах,
А в стариках — благая весть.

Вот взять — Хера́скова прочесть . . .
И даже чушь Хвосто́вской оды
Вам воскресит былые годы,
Где все пристойно — даже лесть!

АННА

Русский орден Анну с бантом
На груди всегда ношу.
Был я анненским сержантом,
А у Павла адъютантом,
Но стихи о ней пишу.
На могилу приношу
Орхидеи, в знак печали,
И походов наших дали
В одах к небу возношу.

КРЕСТОВЫМ БРАТЬЯМ

...Двенадцати аллей печальный
свиток развернут вширь...
А. Лисицкая.

«Недвижен Павел, озирая службы»,
Недвижен ли, когда пылает взор?
Ведь в Павловске, во имя крепкой дружбы,
Собрался люд. Кому, какой укор?

Не думает об этом император,
но в сердце каменном
сильнее бьется кровь.
В том сердце крест мальтийский
в нём — Распятый...
он сквозь века несёт
крестовую любовь!

ЛИЗАВЕТ

«Императрица Лизавет
Любила очень веселиться!»
И вот, мне бал придворный снится,
И в томных звуках — менуэт.

Я по старинному одет...
И так я мог на бал явиться
За вереницей давних лет,
В эпоху славной царь-девицы,
Великолепной Лизавет?

КАК В ЦАРСТВЕ ЛИЗАВЕТ

Как хорошо и с книгой и с бокалом
Часок, другой в раздумьи погадать.
Беда в большом, а счастье только в малом . . .
Не тороплюсь усадьбу покидать.

В ней все на месте, как и прежде было:
Во время оно — в царстве Лизавет.
Не даром же усадьба сохранила
Ее, как даль, задумчивый портрет.

Порой сосед заглянет поразмяться
Со сворой гончих, с поездом карет . . .
Вот только деда не могу дождаться,
Грущу о нем уж много-много лет.

Я ПАЖ ИМПЕРАТРИЦЫ

Я паж импертрицы
И герб блестит в петлице,
И ключик золотой:
Храню ее покой,
Покой императрицы —
Зовут ее Мечтой!

КАК УЗНИК ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ

Певали соловьи и дрозд свистал,
Бездомные кукушки куковали
В старинном парке. Разве не слыхали
Вы пенье птичье, притаяся в зале
Когда на солнце парк блистал?

Я в парке уголок искал,
Где Пушкин, узник царскосельский,
На неге и свободе сельской,
О чем-то пламенно мечтал.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени...
Ф. И. Тютчев.

Екатерининских орлов
Я вспоминаю в день осенний,
Бродя по Царскому Селу —
Я им пою свою хвалу,
Их прославляю светлый гений.

Но «на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени . . .»

ЭТО Я ПРОЕХАЛ

Посвящается
Ю. А. Кутыриной

Никнет георгина сонною ресницей
К темному жасмину низко наклонясь
А вечерний сумрак рвется сизой птицей,
Звуков танца, света музыки боясь.

Бал в усадьбе старой с белой колоннадой
Здесь царит Чайковский...
Сердце замирает. Ничего не надо.
Чу! Откуда это? Хохот, снег из сада...
Разудалый ветер дунул, сны развея.
Резлетелись ноты, желтые листы...
Это я проехал лихо по аллее,
В окна бросив снегом, чтоб проснулась ты!

ГЕОРГИЙ БЕЛЫЙ

Все комнаты живут одни, пустые,
Своею жизнью, странною такой —
Здесь дух царит воинственный, былой:
Вожди, походы... старая Россия!
Вот баталист восторженной рукой,
Писал войска, бессмертные в атаке...
Он не померк в портретной, в полумраке —
Победою в веках звучащий бой.

В нем все восторг! Кипучий и святой!
Ты Русь воззвал из праха, Всемогущий!
Смотрите! — всадник битву стерегущий,
Как ангел простирающий крыло!

Но вижу гибель я орды бегущей,
Разя, огнем горит чуть зримый меч,
И ринулся, чтоб поле пересечь,
Георгий Белый, к славе нас зовущий!

ПЕСНЯ О ЗОЛОТОМ ОЛЕНЕ

Золотой мой олень
В золотистых песках
Проскакал целый день
И настал лунный страх;
Дюны сонной волной
Все немое вокруг
И колдует луна
Заколдованный круг.
Золотой голубым
Стал в сияньи ночей
Оставаясь, как был,
И святой, и ничей!
Скоро к Богу пойдет
С перекатной волной
Там и пажить найдет,
Будет вовсе иной!

И крест и розы

И КРЕСТ, И РОЗЫ

Такая жизнь . . . И крест, и розы!
Тяжелый крест, цветы в шипах.
Ясна лазурь, но вот и грозы
И в тихом сне есть некий страх.

Порой не радость пробужденье,
Есть в мимолетном счастье грусть . . .
«И не введи нас в искушенье!»
Шепчу, как инок, наизусть.

ВДОХНОВЕНЬЕ

Что такое вдохновенье?
Краткий отдых на пути!
Вдохновенье — откровенье,
Жизни светлое мгновенье,
К небу, к звездам устремленье —
К Богу дверь впотьмах найти!

Жди мгновенье вдохновенья,
А придет — зови, лети.
С песней звонкой поднимайся,
Солнцу, людям улыбайся: —
С песней к вечности придти,
Лучшей доли не найти!

ПОДОРОЖНИК

Подорожник — не острожник,
Он задумчивый поэт.
Подорожник он художник
Обошедший целый свет.

Подорожник по дорогам,
Он в пыли, в грязи цветёт
В каждом страннике убогом
Предстоит за нас пред Богом . . .
И Творцу хвалу поёт!

СОЛНЦА СВЕТ

В лунных зорях свет лилейный.
Звездный свет — намёк огней.
Солнце? Солнце веселей!
Солнца свет — отрада дней!
Лета красного улыбка,
Золотая в море рыбка,
Мотыльки в лугах, цветы,

И, конечно, — я и ты!

СОТЫ — ДНИ

...и слышат только пчелы
нежнейшую из всех бесед...
Анна Ахматова, 1915 г.

Соты, — дни...
Каждый благостный день
Заполняй, как пчела, ароматом,
Облетая весь мир,
И пия́
Сладкий мед бытия

И ты будешь мне
Солнечным братом!

ОПЯТЬ?

Я сжег мечты,
Которым поклонялся —
Они в стихах,
Стихи в костре...
Я сжег свои мечты!

Но завтра выйду по заре —
Опять мечтать,
Стихи писать...

Что скажешь ты?

ЛУЧЕЗАРНОСТЬ

Лучезарнее солнца не быть.
Лучезарность от солнца идет.
Лунный свет не научит любить,
А научит не солнца ли нить
К лунным чарам в тиши приведет?

Лучезарнее солнца не быть
Лучезарность от солнца во всем:
Лучезарны — и я, и мой друг,
Лучезарны — и сад мой, и дом.
Я у солнца прошу об одном: —
Чтоб и вам лучезарными быть!

ДУМ ВЕРЕНИЦА

День прошел
и заботу унёс.
Ночь за ним.
Но порою не спится.
Не бессонница грёз,
а иное теперь . . .
Не легка, ты поверь,
дум моих вереница.

НЕЗРИМОЕ

Незримое в зримом,
И старое в чем-то,
Чего еще нет.

Стремлюсь окрыленный,
Не прошлым гонимый,
Но в круг вовлеченный
Грядущим одним.

СТРОК ВОЛШЕБСТВО

День денек мой, день денечек,
Сизый голубочек!
Солнце встало, засияло —
Вот для этих строчек.

Строк волшебство!
Вы живые!
Не мои ль вы крылья?
Так умчите к сказкам детства
Над людскою былью!

ПЛЮШЕВЫЙ ДРУГ

Вспомнил я далекий дом,
Жизнь свою в краю родном,
Фейных сказок, листьев лепет
И берез плакучих трепет.

В зимних думах, в снежном сне
Я вернусь к своей весне.
В робких водах тихоструйных —
Колыбель прибоев буйных.
В звонких льдинах — скрытый жар,
А в поэзии — угар.
Закружились строчки вихрем . . .
Вот смотри: совсем притихли.
Миг один — опять кипят
И зовут: «Назад, назад,
К светлой юности чудесной,
К чистоте ее небесной,
К детству, к играм с медвежонком,
К милым маленьким сестрёнкам.
Вот он — плюшевый твой друг . . .»
«Мишка! Мишка! Недосуг . . .
Не ходи, не отзывайся
Лучше в прошлом оставайся!»

ПОД ЗОРЬКОЮ

Звездочка — я́сочка
Дальняя ласочка —
Светит не греет

С долею горькою
Сядем под зорькою
Ночь заалеет

Солнышко красное
В пору ненастную
Нас пожалеет.

КРЫЛЬЯ СТРЕКОЗЫ

Как шорох стаи журавлиной!..
Ф. И. Тютчев.

Не шорох стаи журавлиной,
А бирюзовой стрекозы
Коснулись крылья.
Я взметнулся,
И, светлый,
Солнцу улыбнулся,
И крикнул ввысь:
«Меня возьми,
О, солнце, брат мой лучезарный,
И я горю, и я стожарный!»

Мне тихо солнце отвечает:
«Последний луч мой догорает...
А как мне в ночь
Тебе помочь?»

ЧТО МОГУ СКАЗАТЬ...

Что могу сказать я солнцу?
Здравствуй, солнце, я — твой брат!
Любо видеть мне в оконце
Твой восход и твой закат.

Что скажу я звездам ясным?
Звезды-сестры, я ваш брат!
К вам стремлюсь, моим прекрасным,
Я, как вы — огнем богат.

Что скажу я ветру в поле?
Здравствуй, ветер, я — твой брат,
Я, как ты: лечу на воле,
И как ты, всегда крылат.

СОЛНЦЕКОНИ

Конь первый — утренний рассвет,
Конь бледный, робкий и пугливый:
В нем отблеск лунный, звездный свет
И солнца зов неторопливый.

Конь красный — красная заря,
То конь второй, он ясногривый,
И жарким полымем горя,
Он бегом тешится, игривый.

Конь третий, это — первый луч,
Кентавр крылатый, солнцеликий,
Он не боится темных туч —
В них огневые мечет пики!

СОЛНЕЧНЫЙ КУЗНЕЧИК

Хочется просто, без темы,
Чем-то заполнить листки . . .
Есть на луне хризантемы —
Лунных лучей лепестки.

В кольцах сатурновых странных,
Вижу сплетенья лиан,
В марсовых далях туманных
Кит бороздит океан.

Прыгнул на солнце кузнечик,
Он не сгорел, а живёт —
В огненной бане, под печкой,
Счастье кует и поёт.

Я у него научился
Солнечный луч обгонять,
Так же, как он, расхрабрился
Мир полюбить и понять.

ДЕНЬ НАСТУПИВШИЙ

Утро для нас —
Обновление мира.
Вот — наступивший
Неведомый день . . .
Скорби, утраты
Иль радости пира?
Всё принимаю —
И солнце, и тень!

ЛИЛЕЙНЫЙ ГНОМ

«Я живу средь лепестков,
В самом сердце чайной розы.
Сердце розы — нежный кров.

Сердце розы — нежный кров . . .
Где снега, пурга, морозы?
Что судьба, ее угрозы?
Я живу средь лепестков».

«Кто же ты?» — «Не видишь? Гном!
Легковейный, светлокрылый.
Я полей лиле́йных гном.

Мы, с цветком, как ты живём
В ласках солнца, вздохах лунных,
В звуках лир волшебнострунных . . .
Как и ты — всегда поём!

РАЗБУДИЛ МЕНЯ СВЕТ

Разбудил меня свет.
Голубой полосой он упал на лицо.
Рассветает, — подумалось мне —
Не пора ли вставать? А в ответ
Светлый зайчик уже на стене —
Это солнце играет. И я
Встрепенулся, как он, весь в огне . . .
Снова радости вешнего дня,
Вновь легко озаренному мне.

ХОТЕЛОСЬ БЫ . . .

Не передать пернатых голоса,
Не превзойти их, вольных, красотою.
Они в траве — купает их роса,
В полете нежит солнце золотое.

Хотелось бы иметь крыло большое
И птицей петь,
И с птичьим сердцем быть,
И высоко над бездною парить —
Отчизной сделать небо голубое!

М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ

В искромёте победном кометных огней
Есть незримая связь с вдохновеньем.
На просторе небесных лазурных полей,
Жизнь волшебней течет, расцветает полней
И послушнее Божьим веленьям.

В изумительном взлёте свободной мечты
Есть чудесное сходство с кометой.
В нем какая-то жажда большой высоты,
В нем свободы предел и предел красоты,
Как и в песне, тобой недопетой!

НАД ОКЕАНОМ

Сосны и вереск. Стрекочут цикады,
Дюны, за ними шумит океан.
Он не страшится цепей и преграды,
Движутся гордо седые громады —
Волн неустанных встревоженный стан.

Парус белеет. И кто-то крылатый
Птицей спешит на широкий простор.
Вот бы и мне так — успеть до заката
Бурей насытить пытливый мой взор.
Ла́нды, Франция.

КИПУЧИЙ ДОМ

Поэт сказал: «Кто по морям блуждал,
Тот не уснет в тени прибрежных скал . . .»
Того несет волной незримый рок
И ей, шутя, он жизнь отдаст в свой срок,
Тому все чуждо там, где мы живем,
И море лишь — его кипучий дом!

СИНЯЯ ПТИЦА

Океан и живет, и стремится,
И поёт бирюзовой волной.
Как огромная синяя птица
Манит он на простор синевой.

По душе мне мечты и скитанья,
Моряка не приучишь к земле,
Для него тишина лишь страданье
Жизнь его — только в буре и мгле.

И в грозовых, над бездной, раскатах
Он находит и слово, и мысль . . .
Волн движенье прекрасно и свято,
В нем свобода и счастье сплелись.

ПАУТИНКА

Есть люди
Возвышенней меня душой

Вот с ними хорошо
В лазоревой дороге.

А я наставник вовсе не большой,
К тому же и не очень строгий.
Вся философия моя — сквозная нить,
Какая- то лесная паутинка —
Лишь я один могу ее любить
И в сердце бережно хранить . . .
А сердце — льдинка . . .

НЕ СУМЕТЬ ОТГАДАТЬ

У цветущих полей не отнять аромат,
Не рассеять огней, если в зорьке закат,
Не догнать ветерка, не спросить у него:
«Что так вольно живешь, и зачем, отчего?»

Так и с сердцем порой. Не суметь отгадать,
Почему всё грустит: не привыкло ль страдать,
Не стремится ль к беде, не тоской ли живет
И в тревоге своей мёд целительный пьет?

ЦВЕТОЧКИ — «ОГОНЬКИ»

Цветочки нынче в поле расцветают,
Цветочки — зорьки. Это — «огоньки».
И грусть во мне, и радость вызывают:
Не ждут они заботливой руки: —
Пригреет солнце, зверь нюхнёт какой
Я им чужой, в их радости ненужный,
А в горе сам беспомощный такой.
Но верю я, помогут мне цветочки —

Они ведь зорьки, эти «огоньки»,
И с ними солнце...
                    И мои стишочки,
Как я теперь — от горя далеки.

ТУЧКИ В ГРЁЗЕ

Звезды — маки огневые,
Хризантемы золотые,
Незабудки в бирюзе.

Тучки — в грёзе, не в грозе,
С небом слиты, голубые,
Чем-то нежным налитые.
Аромат от них идёт,
Будто в них... волшебный мёд!

ДУША — ЦВЕТОК

Душа — цветок, как сон возникший в нас
И наша смерть — его стремленье к свету.
Мы — снова прах, но цветик не угас,
Он мотыльком уже порхает где-то.

Его влечет какая-то планета?
А может быть он хочет солнцем стать,
Века гореть и радугой блистать
Даря в огнях кому-то ласки лета?

СВЕРХЗРИМОЕ

Я верю в грёзы...
Даже в сны!
Они реальны,
Как и камни,
И сон далекий,
Самый давний —
Мне ближе
Нынешней весны.
В нем вижу я
Иные лица,
Иной какой-то
Лучший мир
И слышу
Арф звучанье,
Лир...
Душа в сверхзри́мое
Стремится.

СНУ СОЗВУЧНОСТЬ

Сон — блаженный образ смерти,
В нем вкушаем мир.
Жизнь обманет — сну поверьте
Но во сне не мерой мерьте,
А звучаньем лир —

Лир беззвучных,
Сну созвучных.

ШАХТЁРЫ

Бог помощь вам, друзья мои!
И в бурях, и в житейском горе . .
И в мрачных пропастях земли . . .
А. Пушкин. «Послание в Сибирь»

Кровли домов наших кедры
И потолки — кипарисы.
Шахты глубокие недры —
Люди с рудою сплелися.

Труд освященный веками: —
Предки ковали железо,
Ладили бороны сами,
Пашню пахали над бездной.

В шахтах, во мгле бирюзовой,
Души как степи бескрайны . . .
Близится час васильковый,
Бездны раскроется тайна!

НЕ Я ЛЬ ЕДИНСТВЕННЫЙ

Не я ль единственный? Не мне ли
Подвласны солнце и луна?
И не во мне ли ищут цели
И ветер в море, и волна?

Не я ль душа цветущих пашен
И этих шумных городов?
И мой конец для мира страшен,
Как дорог пыл моих шагов.

Не ваши ль грёзы рвутся в дали
Моих стихов, моих молитв,
Где нет сомненья и печали,
Где вечный пламень жарких битв.

ТАК ВСЕ ЧУДЕСНО

Так все чудесно, когда ты в сужденьях не узкий
Предкам славянским предшествовал некий народ . . .
Были этруски . . . А я вот родился, как русский,
Славлю и римлян, и тех, кто по тундре живёт.

Мне и тунгу́с не чужде́нец, а вырос я с чу́кчей,
Оба взлелеяны вьюгой средь снежных равнин.
Дорог мне Байрон, и Пушкин, и Данте, и Тютчев,
И поклонявшийся Мекке Хаджи Наср Эддин.

Как Аввакум исповедую старую веру,
Но мне понятны и Лютера смелый протест,
Святость Франциска Асси́зского, скромность не в меру . . .
Вольности нашей гремящий в веках манифест!

ЦАРЕВНА СОФИЯ

Судьба людей бывает странной . . .
Какие дивные дела —
Царевна София Суса́нной,
В скиту, в молитве неустанной,
Монашкой скромной умерла.

И хорошо, что так случилось.
Была царевна с огоньком . . .
Но обожглася, оступилась,
И волей Божьей подчинилась,
Судьбе склоняяся тайком.

Лишь келье думы доверяя,
В ней уместив волшебный круг,
Всю Русь от края и до края,
Как завещал ей, умирая,
Голицын-князь, и муж, и друг.

КИТАЙСКИЙ ГЕРОДОТ

Китайский Геродóт Сце-Ма-Тиэн . . .
Не сказка ли истории Китая?
Как призрачен ажур китайских стен,
Как фантастична эра золотая.

«Путь добродетели» — великий Ляо-Тзе,
Конфуций и Буддá, и пагоды — виденья,
И воды Гоангó, Амура и Яитсé,
Цветущие сады и ужас наводненья.

Сын Неба — богдыхан
И сонм поющих бонз,
Монахи, пастухи, пираты, земледельцы . .
А спящие божки в мистичной тайне
бронзы . . .
Кто их творцы, их первые владельцы?

СВЕТЛАЯ ПЕСЕНКА

Я в этот мир пришел,
Чтоб видеть солнце...
К. Бальмонт.

Счастье всегда улыбалось
Солнечной жизни поэта...
Что ж от поэта осталось?
Светлая песенка эта!

Солнце давно закатилось,
Но голубая дорога
Лунным лучом озарилась,
Ввысь, как стрела устремилась
У неземного порога.

ПОЙТЕ, ЛЕТИТЕ

Пойте, летите!.. Взноситесь над бездной
Но на земле оставляйте следы —
Труд ваше знамя, читатель любезный
Труд ваши крылья и ваши плоды.

Пусть поколенья о вас вспоминают:
«Каменщик умер, но крылья имел!»
Также, трудяся, мы вас воспеваем...
В камне, и в струнах, и в трепете стрел!

НА СКЛОНЕ ЛЕТА

Настурции цветут на склоне лета,
Когда аллей в ущербе красота
И в книжечке бродячего поэта
Для них уж нет свободного листа.
И устно он, не в скомканной бумажке,
Поет их грусть, их горький запах пьёт
И смотрит ввысь, где снежные барашки,
Где синь прядёт еще незримый лёд!

ПРОЩАНИЕ СО СНЕЖИНКОЙ

Все хорошо по лунной сводке
В ущербе март. А там апрель
И уж вернулся с юга ходкий
И долговязый коростель

Идет весна. Хоть с грустью тайной
Я распрощался в лунный час
С тобой, снежинкою случайной . . .
Но след твой в сердце не угас!

КОРАБЛЬ НАШ БУРНЫЙ

Какой дорогою лазурной,
К еще незримым берегам,
Господь несет корабль наш бурный,
И к чьим неведомым ногам?

Пред кем поникнем в оправданье,
Кому промолвим свой ответ
И предстоящее свиданье
Прольет ли в душу тихий свет.

О, несомненно мы воспрянем
В его живительных лучах
И озаренно в вечность глянем
Преодолев и смерть, и страх!

КТО Я?

Во мне несметные миры . . .
Не я ль являюсь дверью в вечность
Чуть-чуть прикрытой до поры?
И я предел и бесконечность.

То путь стальной, а то беспечность —
Порханье в поле мотылька . . .
Порой я даже тень цветка,
Предельность зримого, предвечность.

СЕМЬ

Забыл Того, Который
сотворил семизвездие.
Кн. пророка Амоса,
глава 5, стих 8.

Семь звуков в музыке,
Семь в радуге цветов
И семь в неделе дней.

Семь таинств в Церкви,
семь имён у Бога
И семь горит в Медведице
Огней.

ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ

К запредельной яви рвется сердце
Для которого и грудь моя — предел.
И не звезды в небе эта дверца, —
В глубине своей великое узрел.

В нас самих таится путь чудесный,
Как ступень в какой-то мир иной.
Выше солнца в синеве небесной,
Дальше звезд во тьме ночной.

ВСЁ В СЕРДЦЕ

Не в книгах мудрость, совесть не в законе,
Любовь не в ласке, вера не в псалмах.
И раб, порой, сидит на троне,
Богоотступником бывает и монах.

Всё в сердце нашем, в нем ищите знанье,
Судью, врача и голос мудреца —
Лишь в нем одном напоминанье
О воле нашего Творца.

ЗНАНЬЯ НАКОПЛЯЮ

Накопляйте знания всю жизнь, до самой могилы. Они помогут вам в жизни будущей.
(Индийская мудрость).

Пытливо знанья накопляю,
Готовясь в свой далекий путь
И робко силы проверяю:
Я что-то видел, что-то знаю —
Достигну я чего-нибудь?

Ничтожным атомом вселенной
Иль совершенным существом
Являюсь я в сей жизни бренной . . .
Приемлю всё, склонюсь смиренно
Пред светлым Божьим естеством.

Я знаю — нужно мне размыслить,
Найти для цели путь прямой
Его проверить и исчислить . . .
Я должен жить, творить и мыслить,
И станет ясным облик мой.

БЫТЬ ДОВЕРЧИВЫМ

Быть доверчивым легче и проще . . .
Можно молнии, громы метать,
И взлетать буревестника хлёще —
Но отрадней в березовой роще
Соловью свои грёзы отдать.

Жизнь спокойно течет, величаво
И века предо мною как день —
Вырастают и косятся травы,
А былинки глядят из ота́вы . . .
Встанет солнце, чтоб скрылася тень!

ВАС ПОВСТРЕЧАТЬ

В душе такая гамма чувства:
Любовь и злоба, хлад и зной . . .
Большое надобно искусство
Идти дорогою земной!

Вас повстречать и не обидеть,
Помочь подняться, окрылить,
И восторгаясь Вами жить,
Во всем святое только видеть.

ДНЯ ЗНАЧЕНИЕ

Нет на земле ничтожного мгновенья.
В минуте каждой — цельность бытия:
Минутами живем, и ты, и я
Не из минут ли нашей жизни звенья?
Жить этим днем . . . У всех ли есть уменье?
А наша власть — как раз над этим днем,
И лишь подумать: вот сейчас умрем . . .
Тогда поймешь и дня сего значенье.

ЕСТЬ ВЫСШАЯ СИЛА

Есть высшая сила за гранью миров,
В ней истина, в ней — совершенство,
В ней всем уходящим спасительный кров,
Их душам — бессмертья блаженство.

А мы, как и прежде, в своей суете,
В блужданьи погрязли духовном.
Нам трудно отдаться небес высоте
И верить в смиреньи безмолвном.

НЕУСТАННО МОЛИСЬ

Неустанно молись об умерших,
Вспоминая их слезы и кровь
И в молитвах, как звезды расцветших
Пусть не гаснут тепло и любовь.

Мы дождемся награды чудесной —
Сквозь туман бесконечных годин,
Из страны голубой, неизвестной,
Озаренных лучами седин.

Сам Господь возвратит, улыбаясь,
Наших близких на новую жизнь,
А быть может, крылом прикасаясь,
Он и нас вознесет к Себе ввысь.

МНОГОЛИКИЙ ГОСПОДЬ

Многоликий Господь и Единый,
И Будда, и Аллах, и Христос!
Я к Тебе неземным палладúном,
И мечты и тревогу принёс.

Ты всегда надо мной и со мною,
И во мне, как в сегодняшнем дне.
А пошел бы дорогой иною —
В синем море отыщешь, на дне.

Да зачем же от ласки таиться,
От любви от Твоей уходить . . .
Повилúке не цвесть и не виться,
Если нечего будет обвить!

ГОСПОДЬ ПРОСТИТ

У смерти темные глаза
Но в них сияет бирюза,
И виден в них простор небес,
Нездешний свет и мир чудес.
Господь простит всех грешных нас
И не оставит в смертный час!

ПРИМИ НАС БОЖЕ!

Какая власть, какая сила —
Судьбы счастливая рука
Нас звездооких окрылила,
Давая душу, оградила
От прозябанья лепестка?

Нет, мы искуплены от тленных
Предвечной волею Творца.
Прими же, Боже, нас смиренных,
В крылах коленопреклоненных,
В сиянье Твоего венца!

САМОЦВЕТЫ

Воспоминанье о камнях

Воспоминанье о камнях
На камне высек самоцветном
Кремнями гроз, мечом кометным . .
Я сам гранит в минувших днях!

Воспоминанье о камнях
Я начертал и в сердце даже,
Чтоб маяком стоять на страже
В морях огней — в грядущих днях.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

«. . . сей день,
его же сотвори Господь, возрадуемся
и возвеселимся в онь . . .»

Христовым именем живя,
Крестом Христовым и спасаясь,
Постом великим тяжко каясь,
Всяк странник
В светлый день Христов
Незримой святостью сияет
И этот свет и нас святит,
В сей день все люди в ореоле,
Как будто в венчике из роз,
Которые Христос
Принес
Для Светла Дня . . .
Всех нас
Любя!

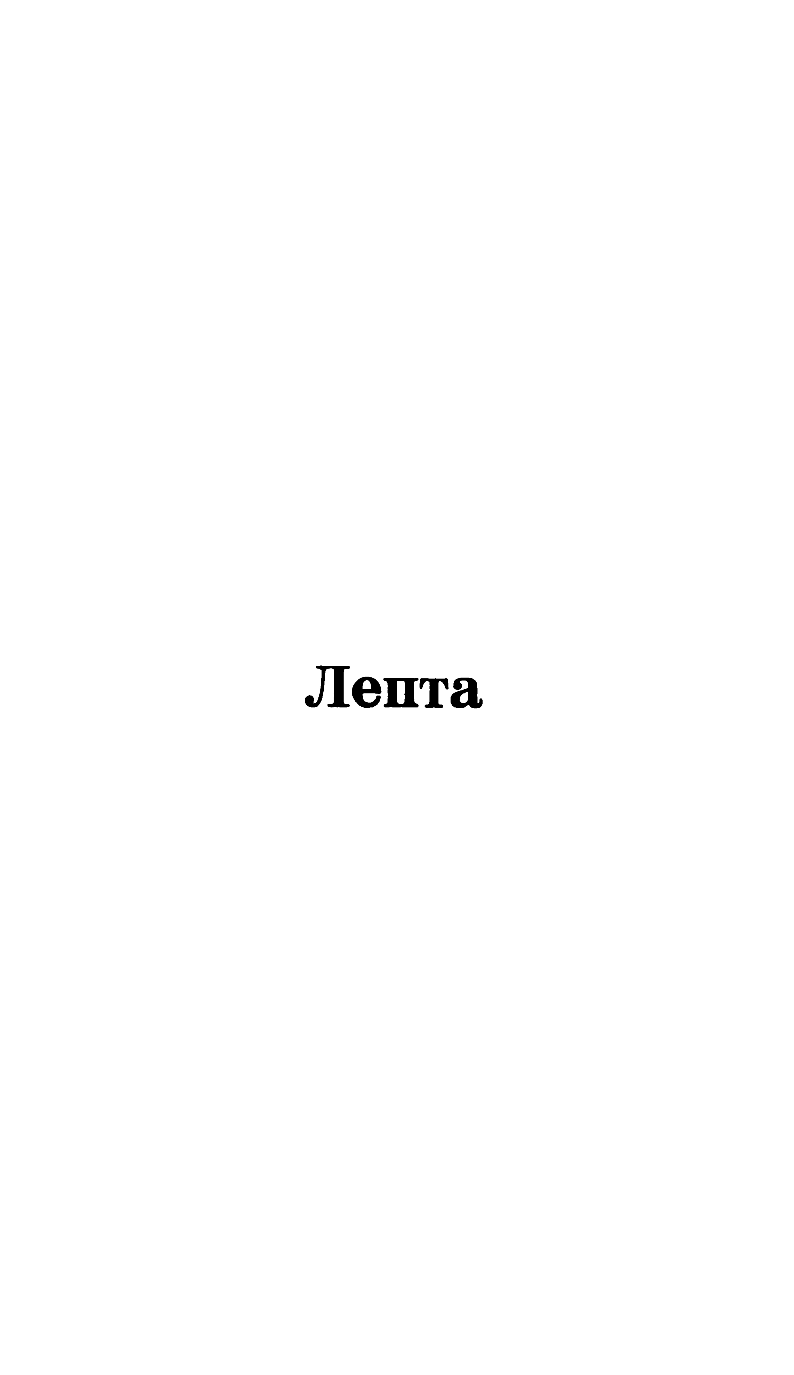
ЛЕТО ГОСПОДНЕ

И. С. Шмелёву

Зори всегда окрыляют,
В зорях рождение света
Радостно ждать заставляют
Солнца луча и привета.

Вспыхни, заря багряница
Ярко играя огнями!
Солнца блеснет колесница
Дни загорятся за днями.

Зорь нескончаемой цепью
Благостно Лето Господне . . .
Зорьке над спящею степью
Я помолился сегодня!

Лепта

ПРЕСВЕТЛЫЙ ХРАМ

При всей своей непостижимости
Бог близок к нам,
И не Его ль живешь ты милостью,
И не твоя ль душа —
Его пресветлый храм?

В ДОРОГЕ ЗЫБКОЙ

Святые светят миру
Плачем и улыбкой
Смеющийся . . . он на дороге зыбкой
Его судьбу не трудно угадать:
Смеется тот, кто должен возрыдать.

ПРАВДА ХРИСТОВА

Мирозданье без Правды Христовой
Лишь пустыня,
И жизнь — лишь бред,
Не стремись же
За истиной новой —
Ты Спасителю
Шествуй во след.

ИИСУСОВА МОЛИТВА

Мы искра Божья,
А не лучи Господни —
И мы, порой, во тьме,
Омрачены . . . но ты молись,
Чтоб светлым быть сегодня,
Хоть этот миг, скажи:
«Помилуй ны!»

ХРИСТОС РАСПЯТЫЙ

И. С. Шмелеву.

Христос —
Распятый на Кресте
Да торжествует!
Кто любит
Братьев во Христе —
Тот любит всё,
Что существует!

ДЕТИ РАДОСТИ

Мы дети радости
И Благовестья —
Мы христиане,
Братья во Христе.
И нет у нас
Ни зла, ни мести —
Одна любовь — Распятый
На Кресте!

СУД НАД СЛОВОМ

Суд над словом
Есть молчание,
Лишь в молчании
Творят.
«Дело — слову испытание»,
Так и старцы говорят.

ИЗГНАНЬЯ НЕ БОЮСЬ

Изгнанья не боюсь
Не вся ль земля Господня?
На всяком месте
И владычество Его.
Со мной Святая Русь —
Как верилось,
Так верю,
И сегодня!

В ИЗБЫТКЕ СЕРДЦА

Избыток сердца . . .
Что же, сердце плещет
Через край,
Потоком бурным!
Избыток сердца, он —
Безбурный
Струей лазурной
Избыток сердца
Излучай!

НАШЕ СЕРДЦЕ

Господь повсюду,
Он и в нашем сердце —
Сосуд Господний
Ты не оскверняй
И трепету его внимай:
Звучит в нем
Голос псалмопевца.

ПОЭТ СКАЗАЛ

Поэт сказал:
«Над нами Божество!..»
Ведь есть Христос,
Христово Естество —
Бог — человек...
От века и до век!

В лугах духовных

В ЛУГАХ ДУХОВНЫХ

Посвящается
Ив. Ал. Ильину к
десятилетию его
кончины 21. 12. 1954.
(21. 12. 1964).

Мой дух имеет лик,
И грани, и законы —
Он камень бытия,
На нем я зижду всё:
Искусство ли мое,
Души пронзенный крик,
Иль шепот уст
Молитвой озаренный.

**
*

Духовно — мёртвенный
Духовно ли слепой —
Ты поднимись . . .
Пытайся зреть!
Иди и пой
Глухой своей тропой —
Свой темный мир
Ты должен одолеть,
В кругу живых и пламенных людей
Овеянных Господней благодатью . . .
Весь мир тогда пойдет
В твои объятья!

ЕДИНЫЙ ПУТЬ

В противоречьях наших дней
У нас одно святое знамя,
Ты пострадавший за людей
Ты распинаемый и нами.
Непревзойденный Твой Завет
Любви, прощенья, состраданья,
Вот высшее на свете знанье, —
Единый путь . . .
Иного нет!

СОТВОРЯЩИЙ С ТВОРЦОМ

...надо приобрести око
для духа и внутреннее
огнилище для любви...
И. А. Ильин.

Дал зрение Творец,
Ты видишь мир —
Приобрети же око
И для духа...
Ты сам его твори —
живи, гори!

Бог ищет красоты, —
Он сердце дал,
Зажег огонь в крови,
Дал матерьял,
Чтоб сердце сделал ты
огнилищем любви.

И сердце сделав очагом,
Очаг воздвигни и в другом,
и в ближнем, дальнем...
И ты строитель
С тайным знаньем: —
по воле Отчей
Божий зодчий!

ЖИВ ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ

(Пастырь Добрый)

«. . . Я есмь дверь: кто войдет и выйдет, и пажить найдет . . . Я есмь пастырь добрый . . .»
(Иоанна, глава 10).

Ни мертвых формул,
Ни ученых схем —
Так просто всё:
Любите Бога,
И за живой водой в Сихéм
Ступайте светлою дорогой! —
Услышите благую весть:
«Жив Торжествующий!
Над гробом,
В лугах Христовых
Пáжить есть . . .
И ждет пасóмых . . .
Пастырь Добрый!»

Спаситель мира!

Песнь песней

Песнь песней царя
Соломона, гл. 1, ст. 1.

...И да лобзает он
Лобзаньем уст своих!
Чистых вод источник
Любви святой...

---

* В письме от 18 июля 1948 г, И. С. Шмелев написал: «...получил «Песнь Песней» — превосходно.

Из письма профессора о. Василия Зеньковского: «...«Чудны лики Твои Пресвятая и жемчужины названные «Песнь Песней»... Обе вещи очень хороши и каждая в своем роде...»

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

...Цветы показались на земле, время песней наступило, и голос горлицы слышен уже...
(«Песнь песней» Соломона, гл. 2, ст. 12).

Сердце раннею весной
От любви изнемогает...
Голос горлицы лесной —
Время песней наступает.
Друг мой серна... Нет — олень!
Вот он скачет за стеною.
Другу сердце я открою:
На! Прими его, как сень!

...Отвори мне... голубка моя...
(Гл. 5, ст. 2).

«Это я!
Отвори мне,
Голубка моя..»
Встрепенулась — его уже нет,
И в глазах затуманился свет,
Поднялась, чтобы выйти взглянуть...
Так всю ночь не могла я уснуть:
Все искала его. Не нашла.
Одинокая в горы ушла.

Встретили меня стражи, проходящие по городу: не видели ли вы любимого душою моей?
(Гл. 3, ст. 3).

Спешу я к другу моему.
Несу ему мои желанья —
Душа моя стремится ланью,
К нему . . . Лишь к другу моему!
Скажите мне, ночные стражи,
Где мой любимый? за стеной?
Он — как олень, любимый мой . . .
Но кто дорогу мне укажет?

Голубка моя, сидящая в ущельи скалы, под кровом утеса.
(Гл. 2, ст. 14).

День еще прохладой дышет
Но ложатся тени . . .
Друг мой, где ты?
Он не слышит,
Убежал оленем.
Вот он скачет
По стремнинам —
Мне бы стать утесом . . .
Нет, голубкой
В зорях росных,
И летать над милым!

Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники.
(Гл. 2, ст. 15).

Ловите лис и лисенят:
Они нам портят виноградник —
В нем кисти спелые висят.
А там, средь лилий . . . То не всадник?
Но кто же манит жадный взгляд?
Олень? О, нет! Пастух идет.
Подруги! он ягненка гладит,
Смотрите — к нам его несет . . .
Ему открою виноградник!
Ловите лис и лисенят!

Скажи мне . . . где ты пасешь? Где покоишься в полдень? . .
(Гл. 1, ст. 6).

Скажи мне: где пасешь?
И где бываешь в полдень?
Стада свои, где оставляешь в ночь? . .
Ты где живешь?
Придешь в луга — мой след найдешь.
Паси козлят своих со мною.
От непогоды я укрою . . .
И в сердце ты приют найдешь!

Оглянись, оглянись, Суламита!..
(Гл. 7, ст. 1).

...Оглянись, оглянись, Суламита!
И оставь своих маленьких коз.
Посмотри, как тропинка увита
Шелестящею зеленью лоз.
Виноградник в цвету. И гранаты,
Опьяненные влагой земли,
Урожай обещают богатый...
Оглянись, зову сердца внемли!

Со мной с Ливана, невеста, со мной иди с Ливана!
(Гл. 4, ст. 8).

Пришел мой любимый,
Унес на простор
От логовищ львиных,
От барсовых гор.
Поет непрестанно
И в песне ликует:
«Голубка Ливана
Не мне ли воркует?»

...глаза твои озерки Есевонские, что у ворот Батраббима...
(Гл. 7, ст. 5).

Глаза, что озёра у врат Батраббима.
В них я отражаюсь, ты мною любима.
Пастух я Саронский — средь лилий долин
Пасу свое стадо, тобою хранимый.
И кровля мне — кедры Саронских полей,
А ложе... Не сердце ли милой моей?

Мирровый . . . возлюбленный мой . . .
(Гл. 1, ст. 12).

Сердца раскрылися недра,
Звездами очи зажглися . . .
Кровли домов наших — кедры,
А потолки — кипарисы.
Ложе — не зелень ли эта . . .
Мирровый ты, мой любимый!
Будь же таким до рассвета!

Возлюбленный мой у меня . . .
(Гл. 1, ст. 13).

Угасает восток
И возлюбленный мой
На груди как цветок
Замирает.
Ночь идет . . .
Но не нужно огня:
Для меня он —
Сияние дня!

. . . вид его подобен Ливану, величествен как кедры . . .
(Гл. 5, ст. 15).

Он величествен
Как кедры
Над вершиною Амана . . .
И подобен он Ливану . . .
Царь наш светлый —
Вот кто друг мой!

Рано встану,
До рассвета,
И скажу лишь зорьке это,
Предрассветному туману:
Царь наш светлый —
Вот кто друг мой!

Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...
(Гл. 2, ст. 5).

Имя его — благовонное миро.
Пламя его — над чертогами пира.
Знамя его надо мною — любовь.
Пью и вкушаю... Теперь я не сира
Я подкрепляюсь —
Любимой быть вновь!

Заклинаю вас сернами и полевыми ланями — не будите любви, пока она не придет.
(Гл. 3, ст. 5).

Не будите любви.
Пусть сама к вам придет —
Ветерком или бурею
Вас унесет...
А пока —
Не будите любви!

Ланями, сернами
Вас заклинаю!
Сердце ваше — цветок
И оно расцветет.
Ночь ли, день: все равно —
Сердце знает свой срок . . .
А пока
Не будите любви!
Ланями, сернами
Вас заклинаю!

Я СПАЛА

Я спала, а сердце мое бдело . . .
(Гл. 5, ст. 2).

Я спала, а сердце бдело,
изнывало от любви,
сизой горлинкой летело . . .
Где ты, милый? Приходи!

Вот, пришел: покрытый влагой,
весь обрызганный росой.
Я проснулась. Сердце радо: —
дышет милый на груди

ГРАНАТОВЫЕ ЯБЛОКИ

...я сошла в сад... посмотреть... расцвели ли... гранатовые яблоки...
(Гл. 5, ст. 11).

В сад, —
посмотреть на долину, —
вошла Суламит:
не расцвел ли
гранат,
не горят ли на солнце
и лозы,
распустился, иль нет,
виноград...

НОЧИ БЛИЗИТСЯ ЧАС

Отклони очи твои от меня,
Потому, что они волнуют
меня.
(Гл. 6, ст. 5).

Не смотри... Ты волнуешь меня
Отклони свои взоры.
Вот, угаснет сияние дня,
Мы уйдем на просторы.

Ночи близится час,
В небе звезды зажглися.
Кровли кедры у нас,
Потолки кипарисы!

КТО ЭТА?

Кто эта, восходящая от пустыни? . .
(Гл. 3, ст. 6).

Вот . . . Сильные там,
у каждого меч
при бедре:
ради страха ночного.
И в руках по мечу . . .
А я, лишь, молчу
изнывая и плача:
сионские девы,
смотрите царя Соломона
в венце,
как мать увенчала его
для нашего брака.
И он возлежит
на носилках
из кедров ливанских,
несомых рабами.
В нем нету лукавства
он им говорит:
«Кто эта?»
Но знаю,
он мысленно
шепчет:
«Не ты ль Суламита?»
Из радуг
мне шепчет:
«Прекрасная девушка,
здравствуй!»

ВОСТОРГ ЛЮБВИ

Большие воды не помогут потушить любви и реки не зальют ее.
(Гл. 8, ст. 7).

И водам многим
Не унять любви.
И рекам не залить
Мой пламень . . .

Я не прибрежный
камень,
Во мне:
— восторг любви!

Я ОБРАДУЮ МАТЬ

. . . нашла я любимого душею моею . . . и не отпустила его, пока не привела его в дом матери моей!
(Гл. 3, ст. 4).

Подожди . . . Я пойду,
я готова бежать!
Нет, домой приведу
и обрадую мать.

Я скажу: «Вот жених,
полюби, как меня.
Верь, в желаньях моих
он — сияние дня».

ДАЖЕ ГОРЛИЦЫ ОТПЕЛИ

> ...ягоды смоковницы созрели...
> (Гл. 2, ст. 13).
> ...принесись ветер с юга, повей на сад мой... пусть придет друг мой в сад...
> (Гл. 4, ст. 16).

Ягоды смоковницы созрели,
отцветает виноград.
Даже горлинки отпели...
без тебя пустынен сад!

Пусть повеет ветер с юга,
вести сердцу принесет:
ветер, ветер, видел друга?
За горами он живет!

НЕ СМОТРИТЕ

> Не смотрите на меня, что я смугловата, что опалило меня солнце...
> (Гл. 1, ст. 6).

Не смотрите на меня, что я смугловата
Это солнце меня опалило.
От восхода оно до заката
Надо мной неустанно кружило.

Стерегла я в горах виноградник
И за лето совсем загорела.
Дни летели, как солнечный праздник...
Я бродила на солнце и пела.

Не смотрите, что я смугловата,
Я черна, но загаром красива.
И в загаре моем ароматы,
И лучей, и цветов переливы!

ЦАРСКИЕ КОНИ

Коней же царю Соломону привозили из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги . . .

(Третья кн. царств, глава 10, стих 28).

Коней Соломону
привели из Египта . . .
Суламифь не смеется,
тишиной говорит:
«Дивны кони! Огонь!
Ты купил ли меня?
Неподкупно и сердце коня!»

СИЛЬНА, КАК СМЕРТЬ ЛЮБОВЬ

> ...сильна, как смерть, любовь... как преисподняя ревность; стрелы ее стрелы огненные...
>
> («Песнь Песней Соломона, гл. 8, ст. 6).

Сильна, как смерть, любовь,
как преисподняя — слепая ревность,
в ней слезы, кровь...
Стрелою поражает ревность,
она, как пламень огненный...

Но ревновала ли? Не помню я...

Вселенной жизнь

ВСЕЛЕННОЙ ЖИЗНЬ

Вселенной жизнь — Мистерия Господня,
Весь мир — алтарь, струящий фимиам.
Из века в век, и в этот миг, сегодня
Возносит он псалмы и Господу, и нам.

Вселенная — огромный светлый храм,
Весь мир — великое богослуженье,
Святой порыв и к горнему стремленье,
Псалмы святые Господу и нам.

В СТРЕМНИНУ ВЕЧНОСТИ

В стремнину вечности низринутся века
И прах планет рассеется над бездной
Но голубой дорогою надзвездной
Нас оградит незримая Рука.
И выше вечности, к предвечному стремясь,
С восторгом возносясь к всесветной
колыбели,
Где новые миры лишь только что зардели —
Мы узрим там стихов иную вязь.
И новая псалтырь безмолвье потрясет,
И новый гимн торжественный, неслыханный,
услышим,
Скрижали новые грядущему напишем . . .
Верь, к жизни новой нас Любовь взнесет.

ЗЕМЛЕЮ ВОЗНЕСЕННЫЙ

И увидел во сне (Иаков): вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба...
(«Бытие», гл. 28, ст. 12).

И ропщет мыслящий тростник!
Ф. И. Тютчев.

Иных миров я жажду видеть звенья.
Как лествица Иакова они —
Там сонмов ангельских услышу пенье,
Там золотые, в ярких солнцах дни.
Лечу туда, землею вознесенный,
Взрощенный ею мыслящий тростник,
Вскормленный ею, ею окрыленный
И от нее приявший светлый лик.
Люблю тебя! О, мать-земля сырая,
С тобой закончу я волшебный этот путь,
Тобой рожденный, звездно-голубая —
С тобой хочу в надмирном отдохнуть!

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВСЕЛЕННОЙ

Бог есть неограниченное все.
(Последняя запись Толстого).

Что за пределами вселенной,
В безгранной дали? Тьма иль свет?
Царит ли ужас смерти тленной,
Иль радость там и смерти нет?

Что за огнистыми мирами?
Незримый хаос вещества,
Вулкан с мертвящими парами
Или зияет пустота?
О, нет! Там возникает что-то,
В чудесных тайниках Творца...
Мы там постигнем радость взлета,
В сиянии Его венца.

ТАМ, В БЕСКОНЕЧНОСТИ...

Там, в бесконечности вселенной,
Где все незримы вещества,
Где места нет для смерти тленной —
Иной закон у естества.
Мы там найдем свою отчизну,
Несолнечный увидим свет
И не промолвим укоризну
Веленью Божьему в ответ.

О ЗВЕЗДАХ НЕ ЗАБУДЬ

О звездах не забудь —
Они напоминают
Про звездный мир,
Про звездный светлый путь,
Что звездный ты...

Они тебе внимают —
О звездах не забудь,
И ты не будешь сир!

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Под звездами бегут века
Но мы смелее с каждым мигом.
Земли дорога далека
И нашей повести строка
Окажется великой книгой.

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

Живем под звездами,
И со звездой витаем —
Мы звездные, небесные жильцы.
И так умрем . . . И участи не знаем.
Не все ль равно: сойдутся все концы.

Куда? Конечно только к Богу,
В Его нерукотворный Храм . . .
И мы однажды были там,
Когда собрались в звездную дорогу.

МОЛИСЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ

Молись под звездами —
Господь скорей услышит.
Живи под звездами,
Счастливей дни пройдут:
Под звездами и пленник
Волей дышет . . .

Лишь только звезды
Путь тебе найдут!

ЗВЕЗДЫ ГРЕЗЯТ

Звезды грезят. Звездам снится
Наша звездная земля,
А она, как будто птица,
В путь неведомый стремится . . .
Мы у мачты корабля:
Рулевые, капитаны, —
Век живи, не умирай!
Ищем звездные туманы,
Звезд моря и океаны,
Звездный путь в надзвездный край!

И ЗВЕЗДЫ МОЛЯТСЯ

И звезды молятся . . .
Чудесны их молитвы.
Прислушайся же к ним
Ночной порой.
Зачем неволится,
Искать с судьбою битвы . . .
Ты звездам, им одним,
Свой поручи покой!

СЕМЬ ЗВЕЗД

По небу полуночи ангел
летел
И тихую песню он пел.
М. Ю. Лермонтов.

Я в ночь безмолвную скользил
Дорогой темно-голубой
И мрак меня крылом покрыл,
Ввергая в бездну за собой.

Но светлый ангел прилетел,
Он меч над бездною вознес,
Как солнце взор его горел,
А на челе — семь ярких звезд.
И вдруг, склонившись надо мной,
Отверз сияющую дверь:
«Ты мертвый был, и вот . . . живой,
На веки вечные теперь!»

О ЗВЕЗДАХ ПОЙ

О звездах пой и говори,
И звездный свет проникнет в сердце . . .
А ты и сам звездой гори
И будь предвестником зари
Для солнца маленькою дверцей.
Тогда придут к тебе тропой
Цветы и люди, звери, птицы,
И ты, доверившись деннице,
Гори звездой, о звездах пой!

К СОЗВЕЗДИЯМ

Со звездой к созвездиям шагаю;
Не поэт я — ночной звездочет,
И, порою, мечты достигаю
Дать в скитаньях какой-то отчет.
Нас не кружат, — возносят планеты,
Обнимая незримым крылом;
В звездотканные ризы одеты,
Не должны мы скорбеть о былом.

Все в грядущем — прекрасном
желанном . . .
Чередой нескончаемых лет,
Нам в сиянии звезд неустанном,
Сам Творец посылает завет.

ВЕРЬТЕ ЗВЕЗДАМ

Верьте звездам: они не обманут,
И откроют свою глубину,
Между вами и бездною станут,
Вас умчат в голубую страну.
Позабыв все земные страданья,
Вы увидите солнц торжество
И пойдете волхвами в скитанье —
Новой жизни узреть рождество.
Не узнать вас тогда искрометных
Озаренных нездешней мечтой . . .
Только в думах неясных, залетных,
Я увижу ваш след золотой.

КНИГА ЗВЕЗДНАЯ

Книга звездная мне повествует
О величии Божьем. Но я
Жизнь окончил. И сердце тоскует,
Ждет иного теперь бытия.

Много дивных обителей в небе,
Светлых келий в парче золотой —
Там ничтожна забота о хлебе . . .
К ним стремлюсь, окрыленной душой.

Странник я — неземной, осиянный,
Я взыскую заоблачный град
Чтоб ликуя воскликнуть: «Осанна!»
У Христовых заоблачных врат.

ПОТОК КОСМИЧЕСКИЙ

Поток космических лучей . . .
Какая сила в нем?
Струится, блещет, ночью, днем.
Откуда он и чей?

Чем наполняет он в тиши,
В пространстве голубом,
Волшебный мир моей души,
Каким горит огнем?

ЗВЕЗДОЧЕТ

Не поэт я — звездочет,
И живу по звездной книге,
Как монах ношу вериги . . .
В тихих четках — звездный лет.

Время движется вперед —
Я же в сердце всей вселенной,
В звездной россыпи нетленной,
Выжидаю свой черед.

Будет миг, — и он придет! —
Распылюсь я жарким златом.
Буду светлым и крылатым,
Обращаясь в звездомет.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Не звезды ясные —
То ангелы глядят
Лучистыми глазами.
Они безгласные
Но сердцу говорят,
Что Сущий с нами.
Что Сам Господь
Продлит нам звездный час,
Мы вечны во вселенной —
Хоть смертна плоть
Но в небесах для нас
Нет смерти тленной.

БЛАГОДАРИ

Благодари за каждый миг,
За каждый светлый час.
Ужель ты радость не постиг,
Что Кто-то любит нас?

Великий, Благостный призвал
Увидеть звездный сон
И ввысь дорогу указал
На синий небосклон.

Ужель не чувствуешь крыла
У мысли и души?
Так будь, как звонкая стрела —
Свободою дыши!

В ЧУДЕСАХ

Восхищен земли движеньем,
Звездным лётом в небесах.
Места нет теперь сомненьям —
Мы родились в чудесах.
Не угаснем, не истлеем,
Чудо к чуду приведет,
О былом не пожалеем —
Светлый час для нас придет:
Смело смерти в очи глянем,
В ней пути к черте иной —
Озаренные воспрянем
В новой жизни, неземной.

ЗНАКИ ТАЙН

Оторвись от земли на мгновенье,
От мирской суеты и забот.
Посмотри в небеса. Видишь: — звенья,
Знаки тайн и ночные виденья,
Рати звездной неслышный полет.
На звезде мы живем, и витаем, —
Кто парит в небесах, тот крылат, —
И хоть тленною ризой сияем,
Мы рождение в смерти узнаем
У Господних заоблачных врат.

КРЫЛАТЫЙ МОСТ

> Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес... те семь — это очи Господа, которые объемлют взором всю землю?
>
> (Книга пророка Захарии, гл. 4, ст. 10).

Созвездия Семи Огней
Глядят недремлющие очи
И бег веков как шелест дней,
Как шорох этой лунной ночи.
И Млечный путь — каскады звезд,
Венец ликующей вселенной
Не к вечности ль крылатый мост,
Не торжество ль над смертью тленной?
Мы оторвались от земли,
Где даже сердце было камень,
Небес большие корабли,
В нас негасимый дышет пламень.
Где верх? Где низ? Пространства нет,
Оно умчалось за веками
И вместо звезд — нездешний свет,
Без солнц сияющий над нами!

ЗАВЕТ

Я умираю — в жизненном итоге
Печаль и радость с песней сочетав.
С горячей верой, с думою о Боге,
Как он когда-то, смертью смерть поправ
Чудесен мир и жизнь стократ прекрасна.
Живи и пой своею чередой,
Стремись к любви и к солнцу ежечасно —
Придешь ко мне дорогой неземной.
И встречу я тебя, как небожитель,
Селений горних светлый старожил.
Но я спрошу, когда придешь в обитель,
О чем ты пел и как ты с песней жил?

ГОРОД ПРИЗРАК

Нынче небо в алмазах и звездная ночь,
Как раскрытая книга вселенной.
Но душе не легко суету превозмочь,
От земли оторваться ей — тленной.

Здесь квадраты кварталов, гнетущая сеть —
В ней томится она цепенея:
Разучилася верить, стремиться и петь . . .
А раскрыться бы ей, пламенея.

Город — призрак тогда — уплывет, как туман,
И надвинутся степи и горы,
И леса, и плеснет голубой океан,
И приблизятся неба просторы.

НО ТОГДА . . .

Да, легко сказать: «Не верую!
Что мне Бог? И Божьи чудеса?»
Но тогда какою мерою
Мерить даль и эти, вот, леса,
Мир земной и тысячи созвездий,
Мысль мою подобную крылу,
И меня, под небом, а не в бездне,
Возносящего Ему хвалу?

ДВА КРЫЛА

Не в атомической пыли
Былых и будущих столетий,
В дыханьи матери-земли
Ищу аккорды многолетий,
Люблю следов своих печать
В снегах глубоких, в росных травах,
Я не могу в пути молчать,
Иль песни петь в пустых забавах.
Меня возносят два крыла —
Одно, земли касаясь, бьется,
Другое в горнем, к небу рвется,
Туда, где Вега расцвела.

ЛЮБЛЮ Я ВАС

Люблю я жизнь, Творца и все Его творенья
И мысли смелый взлет, калейдоскоп идей . . .
Спешу постичь миров возникших звенья,
В далеких небесах следы иных людей.

Крылатых, как и я, стремительных душою,
Хочу, чтоб крылья их, с моим крылом слились,

Их увлеку дорогою большою
Им показав во всем и красоту, и высь.

Но буду я всегда землей своей гордиться,
И вами — дети общей солнечной семьи:
Ведь с солнцем мы — одна большая птица . . .
А крылья ваших душ, не крылья ли мои?

О ВАС ПОЮ

О нет, не будет смерти тленной!
И я на радужных крылах,
Звездой летаю по вселенной,
В былых и в будущих веках.
С душой поэта — метеорной,
Я посетил и ваш приют,
И вас вознес над бездной черной,
Стихи мои о вас поют.
О ваших грезах и бессмертьи,
О вашем счастье без конца . . .
Ведь вы возникли? И поверьте,
Что стали радостью Творца!
Он не покинет вас крылатых,
В краях надзвездных ваш покой,
А здесь архангел в светлых латах
Вас оградит своей рукой.

ЕДИНЫЙ КРУГ

Мы звезды вопрошаем . . .
А звезды в нас нашли ответ.
Единый круг. — Мы в нем сияем.
И мы звено. И мы Господний свет.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНОЕ ПОСЛАНИЕ

ВЕРШИНЫ

ТАЁЖНЫЕ ТРОПЫ

ЦВЕТЫ, ТРАВЫ, ДЕРЕВЬЯ

ЗВЕРИ, ПТИЦЫ

ПЕСКАМ МОИМ

СНЕЖНАЯ ПСАЛТЫРЬ

БЕССМЕРТИЕ ПРОШЛОГО

И КРЕСТ, И РОЗЫ

ЛЕПТА

В ЛУГАХ ДУХОВНЫХ

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

ВСЕЛЕННОЙ ЖИЗНЬ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ВЫШЛИ СБОРНИКИ:

СТИХИ

Айсберги; Аргыш; Арктика; Тудра; Шаманы; Чум; Заполярье; Пески поют; Ковыль да поле; Тайга; Степные огни; Дунюшка-Дуняша; Северные цветы; Самоцветы; Пророки; Песнь песней; Благовестие; Аве Мария; Пророки; Песнь песней; святая; Матерь Божия Державная (стихи и проза); К Созвездиям, Огнекрылый Путь, Лунный цветок; Северное послание; Вершины; Таёжные тропы; Пескам моим; Снежная псалтырь; Бессмертие прошлого; И крест и розы; Лепта; В лугах духовных; Песнь песней (полная); Вселенной жизнь.

ПРОЗА

Сказки сибирские, Легенды о Божией Матери (Париж); Видение Петра (Вратца, Болгария); Как растут кресты (Константинополь); Иван Авдошин (Константинополь).

ГОТОВЫ К ИЗДАНИЮ:

ПРОЗА

Моя Сибирь. (Очерки и рассказы). Содержание: Таёжные рассказы; Сказочный клад Алтая; По алтайским обителям; Сибирские сказы; О сибирских монастырях; Замечательные люди Сибири; Полярные очерки; Мои сибирские астрономические вечера; Грады и веси Сибири.

Восточные легенды; Очерки об ушедших поэтах.

СТИХИ

В скитах; Четки; Деревеньки; Святцы; Избушечьи песни; Ржаные песни; Деревенская нечисть; Давнишки стародавние; Веселые докучки; Огошки; Кузня; Остяцкие поторочья; Песни Кореи; Песни эвенков; Башкирские песни; Бурятские песни.